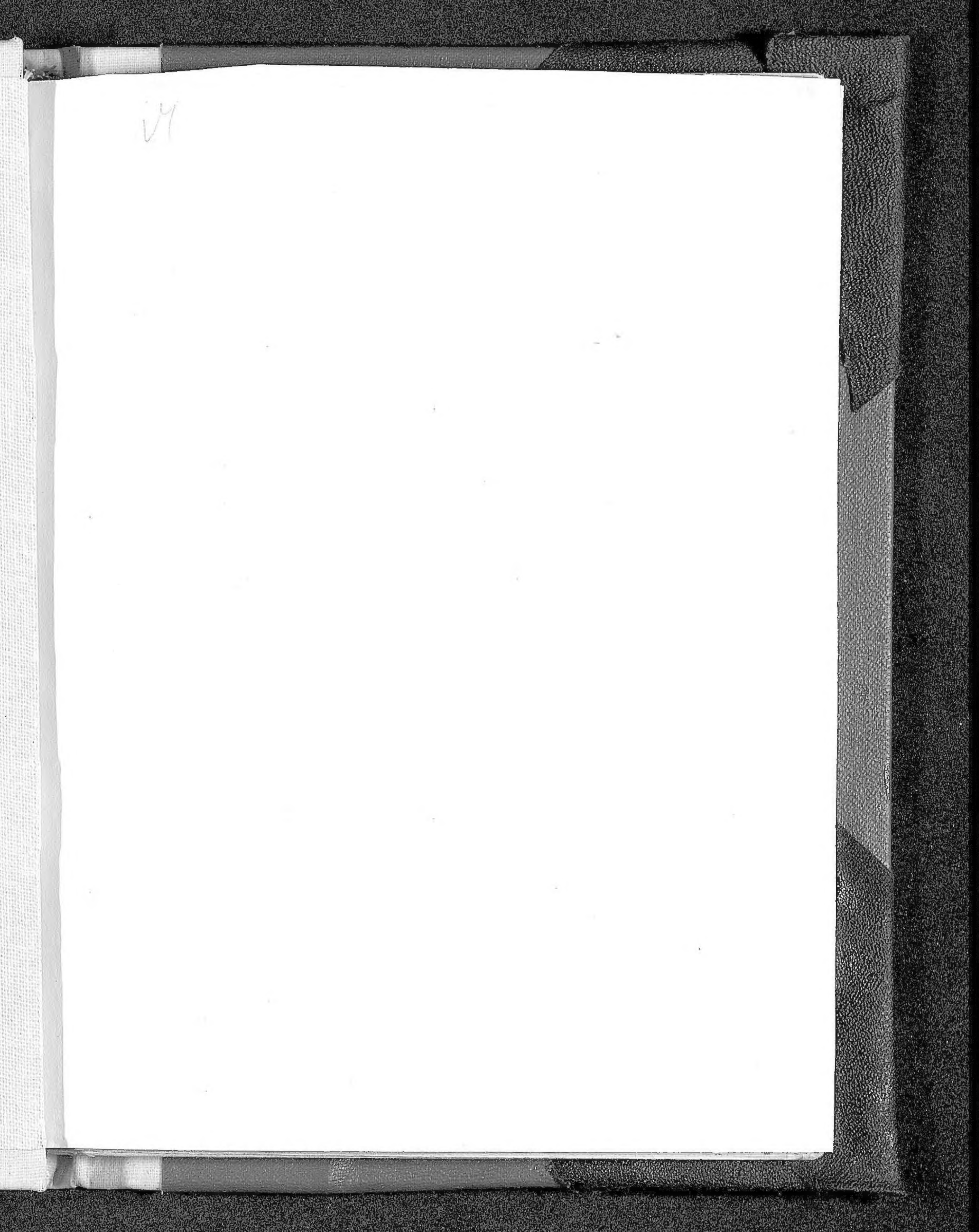
ГРАФ С.Ю. ВИТТЕ

18

ЦАРСКАЯ РОССИЯ

ПРОФ. Е. В. ТАРЛЕ

ГРАФ С. Ю. ВИТТЕ

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

ЦАРСКАЯ РОССИЯ

ПРОФ. Е. В. ТАРЛЕ

ГРАФ С. Ю. ВИТТЕ

ОПЫТ ХАРАКТЕРИСТИКИ
ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

«КНИЖНЫЕ НОВИНКИ» ЛЕНИНГРАД

1927

Ленинградский Гублит № 32175 Тираж 5.000—6 л. Заказ № 483

1.

Основная черта Витте, конечно, — жажда и, можно сказать, пафос деятельности. Он не честолюбец, а властолюбец. Не мнение о нем людей было ему важно, а власть над ними была ему дорога. Не слова, не речи, не статьи, а дела, дела и дела,—вот единственное, что важно. Сказать или написать можно, если нужно, все, что заблагорассудится, лишь бы расчистить пред собою поле, устранить препятствия и препятствующих и начать строить, создавать, переменять, вообще действовать. Один уже покойный публицист (А. И. Богданович) когда-то выразился так: «Витте не лгун, Витте — отец лжи». До такой степени это свойство казалось ему неразрывно сросшимся с душою графа Витте. Но это свойство происходило именно от полного презрения к словам. Сказать ложь или сказать правду, — это решительно все равно, лишь бы дело было сделано, лишь бы царь согласился на водочную монополию, лишь бы Клемансо разрешил заем, лишь бы Комура уехал из Портсмута с разбитыми горшками, лишь бы во-время одурачить еврейских (а также христианских) банкиров, лишь бы Вильгельм два месяца подряд верил, что Витте будет его поддерживать в бьоркской программе. Это

ничего, что на третий месяц Вильгельм поймет, как его провели: дело будет сделано. Слова, высказываемые «истины»—все это само по себе ни малейшей ценности не имеет. Точно так же не имеют ни малейшей самостоятельной ценности и люди. Хорош тот, кто помогает графу Витте; худ тот, кто мешает или вредит графу Витте; безразличен (как муха) тот, кто ненужен графу Витте. Читая три тома его воспоминаний, мы постоянно наталкиваемся на беззаветно-восторженные суммарные характеристики разных встреч графа на его жизненном пути: «чуднейший человек! благороднейший человек! чистейшая личность! честнейший человек!» и т. д. И всегда в превосходной степени. Это происходит вовсе не потому, чтобы Витте можно было так легко очаровать: просто ему некогда с ними всеми возиться и еще тратить мысль и время на анализ натуры того или иного человека, подвернувшегося графу под руку. Ты чего хочешь? Помочь мне? Значит, чудеснейший и идеальнейший, хоть бы ты был даже великим князем Сергеем Александровичем или Рачковским. Ты намерен мешать мне? Значит, негодяй, вор, тупица, ничтожество. В пестром рое характеристик, которыми граф Витте снабжает своих ближних, бросается в глаза одна общая всем этим характеристикам черта: их лаконичность. «Идеальнейший» человек или законченный мошенник, — но получай свою квалификацию и не задерживай, уходи с глаз долой, так как у графа есть дела поважнее. Именно д е л а, а не слова и не люди. Иногда, впрочем, граф Витте останавливается дольше на том или ином человеке и предается неожиданно детальным биографическим изысканиям: тогда-то украл казенные деньги, ограбил жену, нарушает в своих нравах такие-то статьи

уложения о наказаниях, покровительствует такому-то, вследствие таких-то тайных видов и т. д.; это граф наскоро срывает свою злобу, накопившуюся против очень уж повредивших ему лиц. Но даже и это он все-таки делает как-то торопясь и без видимого удовольствия. Он так искренно к людям равнодушен и так, взаправду, многих презирает, что еще может на них рассердиться и озлобиться, но длительно их ненавидеть — органически неспособен уж потому, что неспособен длительно о ком-либо думать; о чем-либо, о деле, он может думать годами, возвращаясь к нему постоянно, если считает его важным.

Его интересуют дела, и прежде всего те, которые делал или будет делать именно он, Витте. Да и вообще он не очень представляет себе важное для государства дело, которое могло бы успешно осуществиться без его участия. Сознание своих громадных умственных сил, своего неизмеримого умственного превосходства над прочим родом человеческим, в чем он убежден, невидимо соприсутствует в каждой странице его мемуаров. Тут он исключений не знает. И «идеальнейшие», и «бесчестнейшие», и император Александр III, венец всех добродетелей, и император Николай II со всеми своими пороками, и Иосиф Гессен, и адмирал Дубасов, и Абаза, и Дурново, и Морган, и Вильгельм II, и Гапон — все они предназначены либо быть послушными марионетками графу Витте на утешение, отечеству на пользу, либо они бунтуют против Витте и губят и себя самих и свое собственное дело. Это нас подводит к вопросу об историческом миросозерцании Витте, чего тоже уместно коснуться в этих предварительных замечаниях.

Это миросозерцание можно определить как довольно примитивную веру в «роль личности» в истории. Витте, вообще говоря, очень мало задумывается над вопросом об основных факторах исторической эволюции. С одной стороны, учитывая (и часто весьма здраво и вполне реально) силы и возможное значение отдельных социальных классов и их борьбы между собою, он нигде не делает общего вывода о классовой социальной борьбе как о решающем историческом факторе. С другой стороны, нет и речи о его вере в какие-либо сверхъестественные вмешательства. Чисто рассудочная натура Витте, быстрый, реальный, циничный ум его, все навыки его анализирующей и нетерпеливой мысли — все это, конечно, не допускало и тени настоящей религиозной веры или, вообще, увлечений каким-либо сверхчувственным умозрением. При случае он любит подчеркнуть, что он — из крепко православной семьи, любит (в похвалу) употреблять (по обыкновению, в превосходной степени) термин: православнейший, архи-православный, — но все это ничего не значит. Во влияние каких-либо высших сил на события в земной юдоли граф Витте не верит ни в малейшей степени, хотя ночь накануне подписания Портсмутского мира он и провел, по собственному свидетельству, «в какой-то усталости, в кошмаре, в рыдании и молитве» (Витте, «Воспоминания», т. I, стр. 357).

Не слепая социально-экономическая эволюция и не бог творят историю и могут влиять на течение событий. На историю влияет великий государственный деятель: в частности на историю России должен влиять Сергей Юльевич Витте, которому в этом деле должен не мешать государь император, не говоря уж о ком бы то ни было другом.

Этот тезис весьма мало похож на законченную историко-философскую систему, но граф Витте за составлением систем никогда и не гонялся. А указанного тезиса ему вполне хватало для всегдашней внутренней устойчивости, для полного и непоколебимого признания внутренней своей правоты во всех своих делах и помышлениях.

Какой политический строй считал он в первый период своей деятельности наиболее целесообразным для России? Повидимому, самодержавие. И именно такое, когда самодержцем был бы Александр III, а великим визирем или, если нельзя, то хоть министром финансов был бы С. Ю. Витте. Гораздо хуже — самодержавие Николая II, при котором, все же, долгие годы работал Витте. Хороша ли конституция? Неизвестно, ибо с парламентом граф Витте, автор манифеста 17 октября, никогда не работал, а поэтому самый вопрос этот никогда его и не интересовал. Он хвалит Александра III за твердость. Но эта твердость только потому ему так нравится, что Александр III неуклонно утверждал все то, что ему подносил на утверждение Витте. Витте, не сознавая того, хвалит твердость никогда не ломавшегося штемпеля, который прикладывался в нужном месте к нужным бумагам: больше ему абсолютно ничего и не требовалось от императорской власти. Александр III играл эту роль без отказа, и поэтому, конечно, он «был великий император» (III, 331).

Но Александра III Витте знал лишь на заре своей государственной деятельности: больше всего ему пришлось поработать при Николае II.

Конечно, если бы нужно было в двух словах определить взаимоотношения между этими двумя

людьми, то ближе всего к действительности было бы такое утверждение: со стороны Витте по отношению к Николаю — недоверие и презрение; со стороны Николая по отношению к Витте — недоверие и ненависть. Уже всякое третье слово будет чем-то наигранным и вымученным, и когда Витте распространяется (часто совершенно не к месту) о воспитанности и иных похвальных чертах императора Николая II, то это производит неизменно впечатление режущей фальши. С удовольствием цитирует Витте слова Ив. Ник. Дурново, сказанные о Николае II в самый день вступления его на престол: «Это будет нечто вроде копии Павла Петровича, но в настоящей современности». Витте тоже признает: «Конечно, император Николай II не Павел Петрович, но в его характере не мало черт последнего и даже Александра I (мистицизм, хитрость и даже коварство), но, конечно, нет образования Александра I. Александр I по своему времени был одним из образованнейших русских людей, а император Николай II по нашему времени обладает средним образованием гвардейского полковника хорошего семейства». Иногда истинное мнение Витте о Николае II прорывается в убежденных и категорических выражениях: напр., телеграмма царя Дубровину заставляет Витте признать «все убожество политической мысли и болезненность души самодержавного императора». Он усматривает в царе «коварство, молчаливую неправду, неуменье сказать да или нет и затем сказанное исполнить, боязненный оптимизм, т.-е. оптимизм, как средство подымать искусственно нервы», он признает в Николае II «сознательное стремление сваливать свою личную (и огромную) ответственность на заведомо невинных людей». «Графа Ламсдорфа в конце концов стремились

сделать козлом искупления за нелепейшую, бессмысленнейшую, бездарнейшую, а потому и несчастнейшую японскую войну. Конечно, государь сам этого не делал . . . но должен сказать, что государь сие знал и допускал. Грустно сказать, но это черта благородного царского характера», — ядовито замечает Витте.

Разглядел Витте и еще одну черту в императоре Николае II, именно ту, которая, может-быть, больше всего или, точнее, непосредственнее всего способствовала конечной гибели этого монарха: «Такие лица ощущают чувство страха только, когда гроза пред глазами, а как только она отодвигается за ближайшую дверь, оно мигом проходит. Их чувство притуплено для явлений, происходящих на самом близком расстоянии пространства или времени». Конечно, это — не однозначуще с храбростью, и о психологических последствиях для царя японской войны, напр., Витте говорит: «В глубине души не может быть, чтобы он не чувствовал, что главный, если не единственный, виновник позорнейшей и глупейшей войны — это он: вероятно, он инстинктивно боялся последствий этого кровавого мальчуганства из-за угла (ведь, сидя у себя в золотой тюрьме, ух как мы храбры)». Витте даже свой переход на конституционную платформу мотивирует индивидуальными чертами последнего представителя абсолютизма: «Когда громкие фразы, честность и благородство существуют только напоказ, так сказать, для царских выходов и приемов, а внутри души лежит мелкое коварство, ребяческая хитрость, пугливая лживость, а в верхнем этаже не буря, даже не ветер, а сквозные ветерочки из дверей, которые обыкновенно в хороших домах плотно припираются, то, конечно, кроме развала

ничего ожидать нельзя от самодержавного неограниченного правления»... «П о э т о м у» «слава богу, что он (манифест 17 октября) совершился. Лучше было отрезать, хотя не совсем ровно и поспешно, чем пилить тупою, кривою пилою, находящейся в руках ничтожного, а потому бесчувственного оператора».

II.

После этих предварительных замечаний переходим к непосредственной специальной теме этого очерка.

Основою всех воззрений Витте на внешнюю политику является глубокое убеждение, что Россия не может и не должна воевать. Замечательно, что, как и все центральные идеи этого человека, эта мысль тоже является у него скорее интуицией, чем логическою выкладкой. Если почитать его мемуары, можно открыть немало хвастливых и горделивых заявлений о силе и могуществе России, слов о патриотизме и т. д.; повидимому, никогда он особенно и не углублялся в вопросы об относительной силе или слабости Японии, Германии, России, Тройственного Союза, Антанты, никогда, вместе с тем, не ставил России н и к а к и х внешнеполитических задач, кроме одной: сохранения своей территории. Политик-реалист до мозга костей, Витте, вообще, полагал главную задачу государственной деятельности в удовлетворении назревающих нужд и непосредственных запросов, и с этой точки зрения — правильно или неправильно — ставил на очередь и разрешал колоссальные проблемы вроде введения и упрочения протекционизма или вроде золотого денежного обращения, или вроде винной монополии, или тор-

говых договоров с иностранными державами. В импорте иностранного капитала и в развитии (при помощи этого капитала) промышленности в России Витте видел одну из главных целей, к которым должна стремиться государственная власть. Что вся эта эволюция может со временем усилить аггрессивность русской внешней политики, Витте, повидимому, не думал. Во всяком случае за все свое существование он ни разу не обмолвился ни одним словом, которое позволяло бы заподозрить, что он понимает и признает прямую связь, которая существует между экономикой России и ее внешней политикой. Даже, когда он говорит об эпохе после 1907 года, эта связь у него никак не выявляется. Нечего и говорить о предшествующих годах.

С точки зрения Витте, России требовалось только одно: не ввязываться ни в какую войну. Нет ни единой потребности русского государства, которую нельзя было бы вполне удовлетворить, не прибегая к войне.

Но России не только не зачем воевать: ей и невозможно воевать. Именно тут и проявлялась интуиция, так могущественно развитая в Витте: он мог там и сям обронить хвастливое, шовинистическое словцо, но всем нутром своим он понимал страшную опасность новых войн для всего бытия основанной Петром I петербургской империи. В этом отношении он сходился с П. Н. Дурново, но резко расходился с подавляющим большинством остальных сановников монархии. Когда начиналась японская война,—повествует Витте,—«Куропаткин считал, что нам нужно выставить на театр военных действий на полтора солдата японских одного русского, а Ванновский находил, что совершенно достаточно на двух солдат японских вы-

ставить одного нашего солдата». А ведь оба эти генерала были вовсе не из самых ограниченных или неспособных. После страшных и непрерывных поражений в эпоху японской войны эта самоуверенность значительно уменьшилась, но до 1904 года это чувство господствовало.

Интуиция, политический инстинкт Витте — всегда были сильнее, чем его мысль, хотя и мысль его была от природы очень сильна. И именно инстинктом Витте понимал всю ошибочность и эфемерность национального самохвальства, окружавшего его в течение большей части его жизни, но особенно усилившегося с 1894 года, со времени вступления Николая II на престол. Можно сказать, что именно в этом вопросе его натура была всегда сильнее его, и он, честолюбец и властолюбец, для которого жизнь без власти была медленным умиранием, который на все пошел бы для сохранения своей силы и влияния, — именно и погубил свою карьеру резкой и решительной борьбой с царем по центральному вопросу внешней политики, по вопросу о войне с Японией. Тут он оказался неспособным ни систематически лукавить ни длительно подлаживаться. Только в этих вопросах он и обнаруживал полную непоколебимость в убеждениях и в их отстаивании. И, вместе с тем, в тех случаях, когда он был уверен, что дело до войны не дойдет, что всегда можно будет во-время дать задний ход, Витте обнаруживал необычайное уменье развить максимум энергии и произвести во-время нужное впечатление на противника. Дипломатическая его деятельность началась блистательным успехом в Берлине в 1894 году, в год русско-германского торгового договора, и закончилась блистательным успехом в Париже, в 1906 году, в год миллиард-

ного займа, и за все двенадцать лет, отделяющие эти две даты, всякий раз, когда русская политика шла не по той дороге, которую указывал Витте, дело кончалось неудачами и опаснейшими осложнениями. Не то, чтобы он сам никогда в этой области не направлялся по опасному пути: мы увидим в дальнейшем изложении, что и в дальневосточных делах Витте вовсе не всегда был столь мудр и безгрешен, как ему хочется это внушить потомству. Но сила его была в другом: в понимании, когда именно нужно остановиться или даже нужно повернуть назад. У него в высочайшей степени было то, чего было мало у Николая II и чего не было вовсе у Вильгельма II: понимание психологии противника. И Витте тоже делал ошибки: но он умел во-время их обезвреживать; во всяком случае знал, как их обезвредить. Самолюбия, заставляющего упорствовать в раз содеянной ошибке, в нем не было и следа. Точно так же он был вполне свободен и в этой области (как и во всех прочих) от власти какой бы то ни было идеологии, традиционности и т. п. До курьеза немыслимо было бы найти в нем хоть тень мистических мечтаний о преодолении «желтой опасности», о кресте на св. Софии, о славянском призвании России, о «подъяремной Галиции», о борьбе против тевтонства или против нечестивых агарян, владеющих Босфором (о чем серьезно писал — поминая «агарян» — Чарыков и множество других больших и малых дипломатов). Все это графу Витте так же органически чуждо, как учение о трех китах, на коих базируется земной шар. Оппортунист по природе, оппортунист во всех без исключения вопросах внутренней политики, Витте был подавно полнейшим оппортунистом в политике внешней.

Обратимся к анализу наиболее крупных актов, когда Витте приходилось иметь дело с иностранными державами. Этот анализ приведет нас к некоторым любопытным выводам, касающимся самой природы абсолютизма в годы его заката. Витте мог перехитрить Каприви, мог победить Комуру, мог справиться с Рувье. Но он оказался бессилен в своем утопическом стремлении спасти режим, который в этом фазисе своего бытия упорно и последовательно работал (и не мог не работать) для своей собственной гибели.

Первое выступление Витте на этом поприще произошло в 1892—1894 гг., когда он уже был министром финансов, но еще не снискал себе той громкой известности, которая спустя несколько лет окружила его имя. Протекционизм торжествовал уже в те времена в континентальной Европе и Северной Америке полную победу. Германия при Бисмарке, а Россия при Вышнеградском, предшественнике Витте, перешли также к системе покровительственных, иногда прямо запретительных тарифов. В 1891 году Вышнеградский провел тариф, необычайно затруднявший распространение германских фабрикатов на русском рынке. С своей стороны, Германия еще до этого времени сильно стеснила ввоз продуктов русского сельского хозяйства. Таково было положение вещей, когда 30 августа 1892 года Витте был назначен министром финансов. Бисмарка в тот момент уже не было, канцлером империи был Каприви, покорный и бесцветный исполнитель воли Вильгельма II. Торжествовала политика «нового курса», провозглашенного молодым германским императором. Одна из идей Вильгельма заключалась в необходимости теснейшей дружбы с Австрией и в уместности полной «свободы рук» относительно России. Это

было время, когда Вильгельм II еще только начинал растрачивать доставшийся ему по наследству богатый капитал монархических чувств Германии. Вильгельма еще не успели разглядеть. Кроме его матери, кроме Бисмарка, кроме графа Вальдерзее — в те годы еще мало кто знал Вильгельма. Его внезапные переходы от неистового самохвальства к неожиданной трусости, его прямо исключающие друг друга суждения, его доходящая до курьезов абсолютная неспособность к дипломатической деятельности — все это понемногу уже начинало обнаруживаться, — но для непосвященных все это исчезало в лучезарном блеске счастья и могущества Германской империи. В деле русско-германских торговых отношений в Германии боролись могущественнейшие классовые интересы: промышленная буржуазия была заинтересована в благополучном улажении дела, так как русский рынок сбыта был для нее одним из важнейших; представители интересов землевладения, напротив, не желали конкуренции русского сельско-хозяйственного ввоза; рабочий класс, с одной стороны, тоже заинтересованный в обеспечении за германской промышленностью русского рынка, с другой стороны, вместе со всею потребительскою массой вообще, желал возможно более широкого ввоза в Германию русского хлеба, огородных продуктов, русской птицы и скота, ожидая от этого понижения цен на предметы первой необходимости.

При этих условиях большинство населения не желало, конечно, экономического разрыва с Россией. Но Вильгельм II столько успел наговорить о своем благорасположении к верноподданному дворянству, до такой степени был непосредственно окружен при своем дворе представителями круп-

ного землевладения, так любил превращать всякий спор в вопрос о престиже, что в эти первые времена конфликта склонен был рассчитывать на благие последствия от непоколебимой твердости в затеявшейся экономической борьбе.

Витте застал такое положение: германское правительство стало пускать в ход двоякого рода тарифы — минимальные и максимальные. Минимальные применялись к большинству держав (и именно к тем, которые в своем ввозе в Германию конкурировали с Россией), а максимальные ставки взимались именно со всех продуктов, шедших из России. При этом Германия заявляла, что такое положение будет продолжаться, пока не будет заключен русско-германский торговый договор (такой, который будет выгоден Германии).

Витте не только не хотел никогда войны с Германией, но его заветной идеей было привлечение Германии к союзу с Россией и Францией. Не хотел он войны с нею и тогда, в 1892—1894 гг. Но он сообразил, что Вильгельм II в тот момент и по такому поводу на войну ни за что не решится; что воевать из-за сохранения барышей ост-эльбских юнкеров абсолютно невозможно ни для Вильгельма II и ни для кого вообще. Следовательно, вопреки угрожающим намекам в германской прессе, таможенная война на этот раз никак не может перейти в настоящую, и сражения тарифами не перейдут в сражение бомбами и картечью. А в таможенной войне, конечно, победит Россия, потому что она гораздо менее экономически развита и скорее может обойтись без германских товаров, чем Германия без русского рынка. Боясь «настоящей» войны с Германией, Витте нисколько не испугался таможенной. И он начал эту таможенную войну.

Его идея была такова: Россия также вводит у себя два тарифа — минимальный и максимальный. При этом—минимальным объявляется именно тот тариф 1891 года, которым немцы так недовольны, что пустили против него в ход репрессалии, направленные против русского сельско-хозяйственного ввоза; а кроме этого тарифа вводится еще другой, максимальный, еще более запретительный. Этот максимальный тариф будет применяться против Германии, если она не понизит своих ставок. Тариф прошел в Государственном Совете. Беспокойство стало охватывать некоторые сферы как в России, так и в Германии еще, когда тариф проходил через Совет, — и о Витте начали говорить, как о человеке, прямо ведущем к вооруженному конфликту. Но Витте продолжал свое дело. Он немедленно предложил Германии начать переговоры о снижении ставок. В Германии отказались, — и Витте тотчас применил к германскому ввозу максимальный тариф; Германское правительство без малейшей потери времени ответило крутым дальнейшим повышением пошлин на русские сельско-хозяйственные продукты. В ответ на это Витте («сию ж минуту», как он пишет) повысил еще и еще свой «максимальный» тариф. Жестокая таможенная война фактически почти вовсе оборвала русско-германские экономические отношения. Убытки, конечно, весьма большие несла Россия, но, как и рассчитывал Витте, несравненно большие убытки несла Германия. Тревога в обеих странах все усиливалась. «Как раз во время этой резкой таможенной войны, — вспоминает Витте,—когда почти все наши экономические отношения с Германией прекратились, помню, летом был какой-то царский день... В Петергофе был царский выход: все сановники, фрейлины, во-

обще, вся свита и великие князья—все съехались в петергофский большой дворец ... Когда я вошел в зал, то от меня все сторонились, как от чумы; всюду шли толки о том, что вот я, с одной стороны, благодаря своему неудержимому характеру, а, с другой стороны — молодости и легкомыслию, втянул Россию чуть ли не в войну с Германией, что началось это с таможенной войны, а так как Германия не уступит, то все это несомненно кончится войною с Германией» ...

Но Витте рассчитал правильно. Германия уступила, и договор 1894 года, очень выгодный для германской промышленности и русского сельского хозяйства, был плодом этой победы русского министра финансов над германскими аграриями. Сам Вильгельм, когда окончательно убедился, что Витте ни в каком случае не уступит, употребил личное свое влияние, чтобы сломить оппозицию аграриев. Впечатление во всей Европе от этой блестящей русской победы над германскими аграриями и над упорством германского правительства было огромное. «В последние десятилетия, — заявил Бисмарк (уже бывший в отставке),—я в первый раз встретил человека, который имеет силу характера и волю и знание, чего он хочет». Советуя Гардену съездить в Петербург, чтобы познакомиться с Витте, Бисмарк сказал: «Вы увидите, этот человек сделает громадную государственную карьеру». С тех пор Бисмарк не переставал интересоваться Витте и расспрашивал о нем всех, кого только мог.

III.

Вторым выступлением Витте на поприще международной политики было получение концессии на проведение восточно-китайской железной дороги.

Любимое детище Витте—Сибирская железная дорога и эта восточно-китайская ветвь относятся друг к другу как причина и следствие; так хочет представить дело сам Витте. Нужно сказать, что в последние годы Александра III и в самом начале царствования Николая II Витте был единственным сановником, в руках которого сосредоточивались все дела, связанные с Сибирскою дорогою. Мысль Витте заключалась в том, чтобы вести Сибирскую дорогу от Забайкалья не по русским владениям, делая большой круг к северу по Амуру, а по китайским, т.-е. по северной Маньчжурии. Раньше, чем был разрешен этот вопрос, произошла японско-китайская война, — и был заключен Симоносекский мир, по которому Япония получала, между прочим, Ляодунский полуостров. Именно Витте настоял тогда (в 1895 году), чтобы Россия поддержала «принцип целости Китайской империи» и ультимативно потребовала от Японии отказа от Ляодунского полуострова. Витте настаивал на немедленных действиях. Тогда министр иностранных дел Лобанов-Ростовский привлек к делу Германию и Францию, и когда все три державы обратились к Японии с требованием, составленным в весьма категорических тонах, то Япония уступила.

Вслед затем Витте устроил для Китая заем под русскою гарантиею на парижском денежном рынке и создал русско-китайский банк, где вкладчиками были как французы, так и русская государственная казна. Словом, мысль Витте выявлялась в эти годы (1895—1896) так: охранение территориальной целости Китая, решающее влияние России в Пекине на центральное китайское правительство, финансовая опека над Китаем, получение концессии на проведение железной дороги через север-

ную Маньчжурию. Но при этом — ни в каком случае не захватывать в свое политическое обладание ни одной пяди китайской территории. Витте настаивает, что это была вполне мирная политика, основанная на обоюдных интересах, на дружеских, в будущем, может-быть, и союзных отношениях России и Китая. Когда ему впоследствии ставили на вид, что сам же он первый пошел в Китай и начал дальневосточную политику, которая привела к вражде и войне с Японией, — то Витте отвечал, что он не виноват, ибо не виноват хозяин, который только пригласил своих гостей пообедать, а они напились, пошли в другое место и затеяли там «скандал». Он полагал, что его политика привела бы к самым лучшим результатам, если бы не захваты, произведенные Германией и Россией в 1897 году.

Во всяком случае, в 1895—1896 гг. политика Витте торжествовала. С Китаем отношения были самые дружеские. На коронацию Николая II прибыл Лихунчанг, и именно с ним Витте решил покончить дело о маньчжурской железнодорожной концессии. Переговоры увенчались полным успехом. Было лишь условлено, что дорогу будет строить не непосредственно русское правительство, а особое Общество Восточно-Китайской дороги.

Со своей стороны Россия обязывалась отныне защищать Китай от нападения со стороны Японии. Договор должен был храниться втайне. Одновременно удалось заключить и договор с Японией, по которому определялись права России и Японии в Корее. Этот договор давал обеим сторонам одинаковые права.

Витте остался до конца дней своих убежден, что дальневосточные дела России, устроенные им в 1895—1896 гг., были улажены безукоризненно.

прекрасно, и что он ничуть не отступил от традиций Александра III, ничуть не приобщил к России опасность войны. Правда, он, вообще, не признавал за собою возможности ошибок, так что и тут их быть не могло, раз он, а не кто другой вел дело. Но, конечно, шаги, совершенные Витте, были чреваты последствиями. Он круто, с угрозами, с ультиматумом, вмешался в японо-китайские дела, отнял у Японии плоды ее побед и этим, конечно, надолго и болезненно раздражил и настроил японцев против России, а между тем изображает дело так, будто уже в 1896 году все с Японией уладилось, и они с Россией стали в Корее вместе жить-поживать и добра наживать. А между тем японские публицисты, писавшие впоследствии о русско-японской войне, и барон Гаяши, посол в Лондоне, прямо возводили начальные этапы этого события именно к вмешательству России в Симоносекский договор. Далее. Витте настаивает, что он, проводя железную дорогу, с согласия Китая, по китайской территории, и не думал никогда двигаться к югу от этой железной дороги, вглубь Маньчжурии. Но, так или иначе, те авантюристские планы, с которыми он впоследствии так бесплодно боролся, могли зародиться при русском дворе уже после того, как был сделан первый шаг. И поэтому очень неточно картинное сравнение Витте своей политики и последующей политики России на Дальнем Востоке с «обедом», после которого вдруг гости учиняют непредвиденный хозяином «скандал». В данном случае «хозяин» повел «гостей» в чужие владения, открыл пред их очарованными взорами и пред их воображением широкое раздолье и спохватился, когда оказалось, что он уже не в силах их удержать. Нарушить русско-китайскую старую границу, перейти этот Рубикон осме-

лился именно он, Витте. Как же мог он уповать, что будет после этого уважаться святость фиктивной, новой, искусственной и условной грани, — полосы отчуждения Восточно-Китайской дороги?

Конечно, уже очень скоро он дал отбой, уже с 1897 года он стал резко бороться против опасного внедрения и готов был на все пойти, чтобы избежать обострения отношений. И, прежде всего, никогда бы он не допустил нарушения дружбы с Китаем. Но Витте так любит приписывать «вины» другим, что должен был бы и себя «обвинить» в том, что показал опасный пример, — и показал его людям, у которых не было в распоряжении ни его головы ни его характера, чтобы во-время понять, когда начинается опасность и где нужно остановиться.

Союз с Китаем — такова была в 1895—1896 гг. основа азиатской политики Витте. Но у него к этому времени была уже готова и программа европейской политики. И чуть ли не первым человеком, которому он эту программу высказал, был Вильгельм II, прибывший с визитом в Петергоф в июле 1897 года.

Конечно, Вильгельм, повинуясь своей природе, поторопился сразу расположить в свою пользу могущественного министра наивными, личными средствами: ни с того ни с сего, для первого же знакомства, Вильгельм пожаловал Витте высший орден Черного Орла, который (как сам император тут же пояснил) давался доселе только либо членам царствующих домов, либо министрам иностранных дел, а ему, министру финансов, «он жалует его, как совершенное исключение, так как этого исключения еще никогда не делалось». После такого дебюта Вильгельм повел следующую речь: «Америка,—заявил он,—представляет для Европы

большую конкуренцию, особенно для европейского земледелия, и следует оградиться от нее особыми пошлинами, не давая ей прав наиболее благоприятствуемой стороны. Невзирая на только-что полученную награду, новый кавалер Черного Орла не согласился с германским императором, указавши на то, что не видит оснований вдруг менять традиционные дружественные отношения к Америке на враждебные. Но, ухватившись за данную Вильгельмом тему, Витте начал совсем иного рода речь: «Европа в среде других стран представляет собою дряхлеющую старуху, и, если так будет продолжаться, то чрез несколько столетий Европа будет совершенно ослаблена и потеряет первенствующее значение в мировом концерте, а заморские страны будут приобретать все большую и большую силу, и чрез несколько столетий жители нашей земной планеты будут рассуждать о величии Европы так, как мы теперь рассуждаем о величии Римской империи, о величии Греции, о величии некоторых малоазиатских стран и о величии Карфагена» и т. д. Вильгельма «этот взгляд очень удивил», и он спросил: «Что же, по вашему мнению, нужно делать для того, чтобы этого избегнуть?». Витте в ответ и развил свою идею: «Вообразите себе, ваше величество, что вся Европа представляет собою одну империю; что Европа не тратит массу денег, средств, крови и труда на соперничество различных стран между собою, не содержит миллионы войск для войн этих стран между собою и что Европа не представляет собою того военного лагеря, каким она ныне в действительности является, так как каждая страна боится своего соседа; конечно, тогда Европа была бы и гораздо сильнее и гораздо культурнее; она действительно явилась бы хозяином всего мира, а не

дряхлела бы под тяжестью взаимной вражды, соревнований и междоусобных войн. Для того, чтобы этого достигнуть, нужно прежде всего стремиться, чтобы установить прочные союзные отношения между Россией, Германией и Францией. Раз эти страны будут находиться между собою в твердом, непоколебимом союзе, то, несомненно, все остальные страны континента Европы к этому центральному союзу примкнут, и таким образом образуется общий континентальный союз, который освободит Европу от тех тягостей, которые она сама на себя наложила для взаимного соперничества. Тогда Европа сделается великой, снова расцветет, и ее доминирующее положение над всем миром будет сильным и установится на долгие времена. Иначе Европа и вообще отдельные страны, ее составляющие, находятся под риском больших невзгод».

Великий континентальный союз трех военных держав: России, Франции и Германии. Такова идея Витте. Этот союз гарантирует Россию от наиболее для нее опасной войны, — от войны с Германией. Морских держав — Англии и Японии — Витте не боялся: завоевательные их экспедиции против России невозможны, а на них Россия тоже никогда не нападет. Следовательно, состоя в Азии в союзе с Китаем, а в Европе — в союзе с Францией и, в будущем, с Германией, Россия может не бояться никаких внешних опасностей.

Но Витте рассчитывал без хозяев. Визит Вильгельма ознаменовался двумя фактами, о которых Витте узнал уже после отъезда германского императора. Во-первых, Вильгельм, как оказалось, натолкнувшись на сопротивление Витте по вопросу о пошлинах против американского ввоза, вовсе не оставил своей мысли и передал непосредственно

Николаю II записку об этом. Это было всегдашней манерой Вильгельма, в подобных случаях он все надеялся на личное свое обаяние и на ограниченность Николая. И сплошь и рядом ошибался, так как все равно миновать министерских советов было нельзя. Тут он тоже ошибся: Николай показал записку Вильгельма Витте, — и именно Витте составил на эту записку ответ (конечно, отрицательный). Во-вторых, обнаружилось нечто, гораздо более серьезное: «Государь император возвращался вдвоем с германским императором в экипаже. Когда государь вернулся из этой поездки, то к нему по какому-то делу зашел великий князь (Алексей Александрович). Государь сказал великому князю, что ему крайне неприятно, что на возвратном пути германский император спросил его: нужен ли России китайский порт Киао-Чао, что в этот порт русские суда никогда не заезжают и что в своих целях, в интересах Германии, он желал бы занять этот порт, чтобы он был стоянкой германских судов, но не хочет этого сделать, не имея на то согласия русского императора. Государь не сказал великому князю Алексею Александровичу, дал ли он, или не дал этого согласия, но только прибавил, что германский император, заговорив с ним об этом, поставил его в самое неловкое положение, так как он гость, и категорически отказать ему в этом было бы неловко, что вообще ему это крайне неприятно».

Повидимому, Николай II отдавал себе отчет в том, что, соглашаясь на отхват части китайской территории в пользу Германии, он в корне разрушает всю политику Витте на Дальнем Востоке, и поэтому считал уместным выразить чрез Алексея Александровича, что ему это будто бы «крайне неприятно». Но это было лишь светскою любез-

ностью: Николай II уже предрешил нечто, несравненно более серьезное.

Спустя некоторое время Витте, совершенно для себя неожиданно, получил известие о прибытии в порт Цин-Тао (Киао-Чао) германской эскадры и о занятии порта. Витте до такой степени не понял сразу в чем дело, что выразил министру иностранных дел Муравьеву уверенность, что «Россия и другие державы заставят их покинуть этот порт».

Только в начале ноября (1897 г.) дело объяснилось со всею точностью: Витте получил приглашение на заседание, которое должно было состояться под председательством Николая II и должно было быть посвященным рассмотрению записки графа Муравьева; в этой записке предлагалось занять русскими войсками Порт-Артур или Далиенван. Мотивировалось это предложение необходимостью получить компенсацию в виду занятия Цин-Тао немцами. Указывалось при этом и на огромное стратегическое значение пунктов, которые предлагалось занять. Теперь все было ясно: существовало соглашение с Вильгельмом о захвате частей китайской территории, и Россия начинала дело завоевания северного Китая и, прежде всего, Ляодунского полуострова. Принцип ограждения целости Китая был радикально отвергнут; открывалась совсем новая глава в истории России. На совещании присутствовали, кроме царя, Витте и Муравьева, еще морской министр Тыртов и военный министр Ванновский. Характерно поведение всех членов этого совещания. Граф Муравьев, автор записки (составленной, конечно, по приказу Николая), объявил, что «берет на свою ответственность» Англию и Японию: они не воспротивятся. Ванновский, признаваясь, что он «не судья» в международной политике, — всецело уверился сло-

вами Муравьева и заявил, что следует захватить Порт-Артур или Далиенван. Тыртов полагал, что лучше бы было иметь порт где-нибудь на берегу Кореи; но по существу не возражал. Что Николай II хочет захвата указываемых в записке пунктов, конечно, не могло быть никакого сомнения. В этой-то обстановке Витте и начал ту долгую борьбу против Николая II, которая кончилась первым крушением карьеры министра финансов и русско-японской войною.

Витте указал на полную недопустимость этого предложения: захватывать самим тот Ляодунский полуостров, который только-что именно Россия не позволила занять Японии (и не позволила именно во имя сохранения целости Китая) — было бы поступком в высшей степени вероломным и вызывающим; этот поступок в то же время должен был сделать врагом России также Китай, у которого без малейшего повода и права отбирали принадлежащую ему территорию; мало того, захват Ляодунского полуострова неминуемо должен был повлечь за собою проведение туда железной дороги чрез всю Маньчжурию, густо населенную страну, и, естественно, без упрочения России в Маньчжурии невозможно было бы удержать за собою Ляодун. Другими словами, Витте указывал, что реально вопрос ставится о захвате всего северного Китая, при чем нужно наперед учесть грозные последствия этого предприятия. Витте, словом, считал этот захват мерою не только «возмутительною и в высокой степени коварною», но и крайне опасною: «дело роковое, которое должно было кончиться ужасами». Император Николай II не решился тут же на заседании настоять на своем (до такой степени резко и горячо говорил Витте), но, конечно, как и всегда, поступил так, как хотел. Чрез не-

сколько дней, «немного смущенным», царь сказал Витте: «А знаете ли, Сергей Юльевич, я решил взять Порт-Артур и Далиенван и направил уже туда нашу флотилию с военною силою». Предлогом послужило лживое донесение Муравьева, будто англичане намерены захватить эти пункты (ничего подобного в действительности не было). Под первым впечатлением Витте сказал великому князю Александру Михайловичу: «Припомните сегодняшний день, вы увидите, какие этот роковой шаг будет иметь ужасные для России последствия». По-видимому, Витте был вне себя от раздражения и беспокойства. Он прямо от царя помчался в германское посольство к замещавшему посла Тиршки (которого Витте называет «Чирский») и заявил: «Я прошу вас убедительно телеграфировать германскому императору, что я, как в интересах моего отечества, так и в интересах Германии, убедительно прошу и советую, расправившись с виновными в Цин-Тао, казнив тех, кого он считает нужным казнить, взыскав контрибуцию, если он сочтет это нужным, удалиться из Цин-Тао, так как этот шаг повлечет за собою и другие шаги, которые будут иметь самые ужасные последствия». Витте делал вид, будто верит, что в самом деле Цин-Тао захвачено немцами в виде репрессии за убийство немецких миссионеров. Вся экстравагантность этого шага, очень мало смягчаемая тем позволением, которое Вильгельм дал Витте (сноситься с ним непосредственно через посольство), в высшей степени характерна: Витте никогда больше таких вещей не делал. Его выходка показывает, до какой степени он был встревожен захватом Порт-Артура. Вильгельм ответил Витте, что последовать его совету он не может. Вспомнил ли он о заклинании Витте, когда 15 августа 1914 года Япония

предъявила Германии ультиматум? Витте, разумеется, ошибался, полагая, что, если Вильгельм согласится покинуть Цин-Тао, то Николай согласится оставить Порт-Артур. Но, и не добившись ничего от Вильгельма, Витте продолжал употреблять все усилия, чтобы сделать оккупацию Порт-Артура, по возможности, кратковременною. Конечно, ничего из этих усилий не вышло. Всю эту авантюру, и германскую и русскую, Витте назвал в доверительном разговоре с германским послом Радолином «ребячеством, которое очень дурно кончится». Радолин послал об этом телеграмму в Берлин, телеграмма по пути была перехвачена и расшифрована, — и Николай узнал о ее содержании. «Сергей Юльевич, я бы советовал вам быть более осторожным в разговорах с иностранными послами»,— холодно заявил он Витте. Спустя несколько дней, ссылаясь на это замечание, Витте объявил царю о желании своем выйти в отставку. Но Николай II его удержал, хотя и прибавил, что «хорошо ли это сделано, или дурно», вопрос о Порт-Артуре кончен, и он, Николай, этого уже не изменит, а просит Витте посодействовать тому, чтобы все обошлось благополучно.

Между тем, логика вещей требовала новых и новых опасных шагов. Куропаткин, сменивший в начале 1898 года Ванновского, заявил о необходимости занять всю Квантунскую часть Ляодунского полуострова и вести ветку от Восточно-Китайской железной дороги к Порт-Артуру. Без этого он не считал возможным защищать захваченные пункты. Китайское правительство (императрица-регентша), под влиянием Англии и Японии, не соглашалась на «мирную передачу» России (под видом «аренды») всех этих чисто-китайских земель. Тогда Витте вмешался в дело: он телегра-

фировал своему агенту в Пекине Покотилову, прося его повидаться, «посоветовать» Лихунчангу и другому влиятельному сановнику Чанинхуангу оказать воздействие, чтобы соглашение было принято: «при чем я пообещал как первому, так и второму сановнику значительные подарки, а именно первому 500 000 рублей, а второму 250 000 рублей. Это был единственный раз, когда в моих переговорах с китайцами я прибег к заинтересованию их посредством взяток».

Витте упустил из вида, что, если не все, то многое тайное становится явным. Мы знаем теперь из непререкаемых официальных документов, что еще в марте 1897 года Лихунчангу чрез посредство князя Ухтомского был дан—тоже в виде взятки— один миллион рублей за получение Россиею концессии на Восточно-Китайскую железную дорогу. Что касается взяток в связи с уступкою Квантуна, то цифры, даваемые Витте, не вполне точны: Лихунчанг получил 609 120 рублей, а Чанинхуанг — 51 171 рубль [1].

Поправка (или дополнение), которую вносят документы, очень существенна: выходит, что Витте давал китайцам взятки вовсе не тот «единственный» раз, когда по его уверению это требовалось во имя избежания кровопролития, но и тогда, когда ему, Витте, желательно было осуществить свою идею о Восточно-Китайской железной дороге, еще в 1897 году. Признаться в этом первом миллионе, данном Лихунчангу, значило бы для Витте лишиться в глазах читателей его воспоминаний ореола мудреца и миротворца, который был совсем

---

[1] Ср. приложение к прекрасному исследованию Б. А. Романова, «Лихунчангский фонд», («Борьба Классов», 1924, I).

неповинен в русской захватнической политике на Дальнем Востоке. Витте, очевидно, так и не понял до конца дней своих, что он своим специально для китайских взяток созданным «лихунчангским фондом» развращал не только старого сребролюбца Лихунчанга и подобных ему сановников Поднебесной империи, но прежде всего Николая II, графа Муравьева и всех тех, с которыми ему пришлось тщетно бороться и в 1897 году и впоследствии. В самом деле: почему же не захватить северный Китай, раз за ничтожные деньги это возможно сделать без немедленного риска? Ведь, если Китай молчит, то немедленного вмешательства со стороны Японии и Англии быть не может. Что будет потом, — это на Николая II и его двор действовало очень мало. И Витте знал это, и сам говорит об этом свойстве царя: понимать опасность только, когда она уже прямо пред глазами, но никак не раньше. Зная это и вместе с тем показавши царю, что вполне возможно всегда добиться мира с Китаем, сколько бы от него ни отхватить земли, чему же удивляется и чем возмущается Витте, когда описывает, как он был бессилен в царских совещаниях по делам Дальнего Востока?

Лихунчанг принял мзду и сейчас же уладил все дело: Квантунский полуостров был отдан России. Николай II, которому Витте объяснил причину внезапной уступчивости Китая, написал резолюцию: «Это так хорошо, что даже не верится».

Необычайно характерная для Витте черта: настойчиво (и тут же, на следующей странице) повторяя, что обладание Квантуном повлекло за собою гибельные для России последствия, Витте в то же время явно гордится этою высочайшею резолюцией. В этом человеке был и проницательный политик, видевший будущее и с гневом и

скорбью смотревший поэтому на захват чужих земель, и в нем же сидел одновременно ловкий политический делец, техник, царедворец, который полагал свою честь в том, чтобы целесообразно и безболезненно исполнить задание своего повелителя, чтобы обнаружить при этом уменье и находчивость, совсем независимо от внутреннего смысла исполняемого поручения. «Этот захват Квантунской области . . . представляет собою акт небывалого коварства», — торжественно заявляет Витте (I, 118), только-что похвалившись тем, как он ловко все уладил с китайскими взяточниками, чтобы заполучить эту Квантунскую область (I, 115). Нужно сказать, что для китайских контрагентов Витте все это дело сошло неблагополучно. Лихунчанг был оставлен и занял сравнительно второстепенную должность: очевидно о чем-то неладном догадались в Китае. Чанинхуанг был сослан и в ссылке казнен. Наконец, по прибытии в Пекин, был там публично казнен и китайский посол в Петербурге Сюн-Кингшен—«весьма почтенный и добросовестный китаец»,—как с чувством замечает Витте, не понимающий, что в его устах и в данном случае эта хвала не может иметь особенно большой авторитетности. Прямым последствием этого захвата было, конечно, как уже сказано, полное и безвозвратное крушение политики Витте, как он ее представлял себе до тех пор: Китай из покровительствуемой державы делался тайным, но упорным врагом России, другие державы потребовали (и получили) отдельные части китайской территории, — и, кроме того, пришлось, в виду явно угрожающей позиции Японии, отказаться от «влияния» в Корее, т.-е. удалить оттуда русского финансового советника и вообще примириться с мыслью, что в Корее русское влияние будет заменено япон-

ским. Не желая многого додумывать до конца, Витте изображает дело так, будто, если бы не захват Порт-Артура и затем всего Квантуна, то вовсе не зачем было бы уступать Корею японскому влиянию, и Россия могла бы продолжать там свою начатую в 1896 году, под эгидою Витте, политику. Это все весьма фантастично: мы знаем теперь достоверно, по японским и английским данным, что Япония ни за что не примирилась бы с утверждением русского влияния в Корее; что Корея признавалась в Японии делом жизненной, первой необходимости; что одной Кореи было бы вполне достаточно для войны Японии против России, если бы в самом деле обнаружилось серьезное русское влияние в этой оспариваемой стране. Как и относительно Восточно-Китайской дороги, так и относительно Кореи у Витте какая-то странная аберрация: он упорно не хочет видеть, что и эти вопросы таили в себе страшную опасность; что Николай II продолжал, очертя голову, с неслыханным (для России) риском то самое дело, которое умно, ловко, гораздо осторожнее начал в 1895—1896 гг. делать сам Витте.

Но, чем дальше шел процесс захвата Китая, тем решительнее Витте боролся против всякой активной политики России на Дальнем Востоке. В 1900 году разразилось боксерское восстание в Китае, и, вопреки желанию и советам Витте, русские войска приняли участие в походе усмирительных европейских отрядов на Пекин. Витте настаивал, что нам совсем нечего делать в Пекине, что Пекин должны усмирять те державы, которые заинтересованы в южном Китае, Россия же заинтересована только на севере. Но остановить Николая и с готовностью исполнявшего его волю военного министра Куропаткина было невозможно.

«Политика молодого человека», как злобно определяет Витте образ действий Николая, торжествовала; русские войска, вместе с другими, вошли в Пекин. Но из Пекина они ушли, а в Маньчжурии остались. На сцену выступил тот вопрос, который конечно, неминуемо должен был рано или поздно обостриться после захвата Квантуна. Уже тогда, в 1898 г., было ясно, что такой тоненькой нитки, как ветка железной дороги, идущая чрез Маньчжурию, недостаточно для связи России с ее новым Квантунским владением, и что под каким угодно предлогом рано или поздно русское правительство будет стремиться завладеть всею Маньчжурией. Боксерское восстание явилось удобнейшим поводом для ускорения этого предрешенного нового (и самого грандиозного) захвата. Куропаткин не скрывал своего восхищения по поводу боксерского восстания, прямо заявляя, что нужно превратить Маньчжурию в Бухару (т.-е. в вассальную область России), пользуясь походом против боксеров.

С 1900 года начинается новый этап в безнадежной борьбе Витте против Николая II. Николай и орудие его воли — Куропаткин не желали уводить войска из Маньчжурии. На их стороне была вся сила, и не только потому, что Николай был самодержавным императором и его желание (при его тихом, но непреодолимом упрямстве) должно было поэтому в конце концов восторжествовать. Были и другие причины: захват Маньчжурии был очень уж традиционен, так сказать, очень л о г и ч е н по своей природе: стародавняя захватническая политика, столетиями приводившая к территориальной экспансии, на э т о т раз, к концу XIX и началу XX века, еще более выигрывала в глазах всех правящих кругов в своей популярности, по-

тому что с ней можно было связать (правда, пока больше на газетной бумаге, в мечтаниях) частичное разрешение «переселенческого вопроса», т. е. рокового вопроса о крестьянском малоземельи. Восторги части прессы по поводу создания «Желтороссии» были лишь одним из отголосков этого течения. Захват Порт-Артура и Далиенвана не возбудил и в сотую долю того восхищения и тех надежд, как захват Маньчжурии и ее военная оккупация в 1900 году и следующих годах. Мог ли всей этой силе противиться Витте? Что он был в состоянии ей противопоставить? Только свои опасения, что Россия непременно нарвется на жестокий отпор в этой Желтороссии и непременно потерпит поражение. Но, ведь, доказать это он не мог, и роль зловещей пророчицы Кассандры оттого всегда и является такою неблагодарной, что, кроме своей интуиции или своей проницательности, ни у какой Кассандры в распоряжении ничего нет, никаких аргументов. Да и ослаблялась позиция Витте тем, что не один Воронцов, но и многие другие считали, что именно сам Витте своею Восточно-Китайскою дорогою повел Россию на Дальний Восток и создал против нее новый, несуществовавший доселе фронт.

И еще если бы Витте мог, в самом деле, настаивать, что дальне-восточный фронт делает положение России особенно опасным в виду существования главного ее, западного, австро-германского фронта! Но и это оружие в трудном споре было выбито у него из рук Вильгельмом II. От войны России с Японией или Англией или, еще лучше, с обеими одновременно — Германия непосредственно только выигрывала: во-первых, Россия этим ослаблялась в Европе (и надолго, даже в случае относительной удачи в дальнево-

сточной войне), и для германской политики надолго — так казалось в 1900—1903 гг. — открывался широкий простор. Во-вторых, в случае удачи Россия оттесняла в Китае английское влияние и тем самым оказывала услугу германской экономической экспансии в Китайской империи. Словом, ни при каких обстоятельствах Германия от русской активной дальневосточной политики потерять не могла. И Вильгельм II, действуя в полном согласии с канцлером Бюловым и с стоящим за Бюловым фактическим руководителем германской внешней политики директором в министерстве иностранных дел бароном Фритцем фон-Гольштейном, всячески толкал Николая II на ту дорогу, по которой Николай и без всяких толчков собирался следовать с большой охотою и ясностью духа. Дело было не в драконе, бороться с которым Вильгельм приглашал «народы Европы» («народы Европы, оберегайте ваши священнейшие права!») и не в прощальном сигнале с яхты «Гогенцоллерн» после свидания с Николаем («адмирал западных морей шлет привет адмиралу морей восточных»). Все эти невинные — потому что слишком по-детски откровенные — провокации сами по себе, конечно, не могли вдохновить Николая II на окончательный отказ от всякой осторожности, на совсем безумную политику 1903 года. Но неоднократные и торжественные заверения Вильгельма II, что западный фронт свой Россия может совершенно обнажить от войск, что он, Вильгельм, ручается за полную безопасность России на все время возможной ее войны на Дальнем Востоке — э т о, конечно, не могло не действовать.

Эта последовательная и деятельная политика Вильгельма в 1902—1904 гг. лишала Витте одного из главнейших его аргументов. Говорить же

с своими противниками о том, что Вильгельм может не напасть сегодня, но нападет уже после войны, завтра или послезавтра, что разоренная и ослабленная Россия целый ряд лет не сможет ему противиться,—доказывать им все это было совершенно бесполезно. Они понимали только сегодняшнюю опасность; да и ее понимали далеко не всегда. Опасность завтрашняя для них не существовала.

IV.

Такова была общая почва для дальнейшего развития событий после захвата Маньчжурии. От конца боксерского восстания и окончательной оккупации Маньчжурии (осень 1900 года) до нападения японских миноносцев на «Палладу», «Цесаревича» и «Ретвизана» (27 января 1904 года) прошло меньше 3½ лет. Но зачерчивать эти 3½ года одною краскою никак нельзя. На средину или конец 1902 года падает начало какого-то перелома, который в 1903 году уже обозначается вполне явственно. Этот перелом (довольно медленный) поддается наблюдению легче всего не в России, а в Западной Европе, и определить его можно как некоторое (и, может-быть, довольно значительное) уменьшение внешне-политического престижа России с конца 1902 года. Чем он объясняется? Фактами разного порядка. Убийство Сипягина (2 апреля 1902 года), аграрные волнения в Полтавской и Харьковской губерниях, резко обозначившийся рост оппозиции в земствах, явное бессилие правительства справиться органическими мерами с аграрным вопросом, с конституционными стремлениями буржуазии, с рабочим движением—все это заставило в Европе впервые в 1902 году заговорить о русской революции, тогда как еще

в 1901 году по поводу убийства Боголепова речь шла лишь о студенческих волнениях. Эра Плеве была понята как начало скрытой пока внутренней войны. Впервые за все царствование Николая II главным заданием нового министра внутренних дел, тою целью, для которой специально он был призван, — являлась борьба всеми средствами против революционного движения. Все это уже само по себе подрывало престиж русского правительства в европейских правящих сферах: политический капитал, оставшийся после Александра III, стал расходоваться именно в это время, с 1902 года. Еще осенью 1898 и в 1899 гг., в эпоху созвания гаагской конференции, этот капитал казался незатронутым: еще в 1900—1901 гг. на Николая смотрели как на одного из могущественнейших государей Европы, и легенды о царелюбивом русском народе твердо держались в среднем европейском общественном мнении. 1902 год первый нанес этим легендам далеко не окончательный, но все же ощутительный удар. Но не только внутренние дела производили постепенный сдвиг. С конца 1902 г. (после отъезда маркиза Ито из Петербурга и после заключения англо-японского договора) крутое изменение к худшему последовало и в международной позиции русского абсолютизма. Уже были налицо все предпосылки русско-японской войны; уже создалась та страшная запутанность положения, когда с каждым месяцем уход из Маньчжурии становился все труднее, а дальнейшее пребывание в Маньчжурии—все опаснее, Россия выбыла из Европы не в 1904 году, когда началась война, а с весны 1903 года, когда выяснилось, что Николай II без войны никогда не эвакуирует Маньчжурию и не откажется от замыслов на Корею.

После этих предварительных замечаний обратимся к деятельности Витте в этот момент. Это — может-быть, самая трагическая страница его биографии.

Первая часть русско-японской драмы закончилась боксерским восстанием и его усмирением. Не только Россия удержала Квантунский полуостров, но захватила еще и Маньчжурию. Соединенные Штаты, Англия, Япония решительно с этим не мирились. И вот начинается вторая часть драмы: в Петербург, в середине ноября 1901 года, является маркиз Ито, влиятельнейший японский дипломат, противник Соединенных Штатов и поэтому сторонник соглашения с Россией. В высших правящих сферах Японии в этот момент наблюдалось колебание: уже быстро возрастала партия, желавшая войны и изгнания России вооруженною силою из Маньчжурии и Квантуна и стоявшая за немедленное заключение союза с Англией. Но Ито удалось отсрочить дело: он прибыл в Петербург с предложениями, вполне приемлемыми для обеих сторон. Россия отказывается бороться с японским влиянием в Корее и исполняет, наконец, собственное свое обещание увести из Маньчжурии войска, введенные под предлогом усмирения боксерского восстания. Квантун остается в русском обладании. Витте с полнейшим сочувствием встретил это предложение, — но ничего не вышло. Николай II определенно не желал его. Ито водили очень долго, не говоря ни да ни нет, делали контр-предложения и все больше убеждали его, что не только Маньчжурию ни за что не эвакуируют, но что имеются даже какие-то виды (еще не вполне ясные) на Корею, которую как будто решили уже уступить Японии, когда захватывали Квантун. Ничего не добившись, Ито уехал в Бер-

лин и здесь (как сообщает в своих воспоминаниях А. В. Богданович [1]) посол русский Остен-Сакен сделал последнюю попытку предотвратить бедственные последствия безумной петербургской политики: он телеграфировал (с ведома Ито), что Ито еще подождет в Берлине окончательного ответа. Но и из этой попытки ничего не вышло. Ответа не было. Япония тогда — не медля нисколько — тотчас же заключила союз с Англией и стала деятельно готовиться к войне. «Часто говорят, что Япония готовилась к войне, и все равно, как бы мы себя ни вели, она бы нам объявила войну, — пишет Витте. — Это рассуждение безусловно неверно . . . если бы мы приняли искренние предложения, которые были нам сделаны Ито, и дальнейшее предложение, даже пред самою войною, сделанное нам японским послом Курино, то войны не было бы».

Через несколько времени после провала миссии Ито — Витте выехал на Дальний Восток, посетил Маньчжурию и Квантун и вернулся полный самого черного пессимизма. Он явился к Николаю, подал ему обширный доклад, в котором определенно утверждал, что России грозят большие бедствия от продолжения той же политики в Маньчжурии и Корее, горячо настаивал на немедленной эвакуации Маньчжурии, но государь не желал его «подробно выслушивать» (как выражается своим беспорядочным стилем Витте).

В это время Николай II начинает утверждаться на той мысли, что дело о Квантуне и Маньчжурии уже, собственно, покончено, а разго-

---

[1] Александра Викторовна Богданович—жена небезызвестного ктитора Исаакиевского собора и автора патриотических брошюр генерала Е. В. Богдановича.

вор должен итти только о Корее и притом в таком смысле, что Россия вовсе не должна исполнять своего обещания, данного после захвата Квантуна, не насаждать своего влияния в Корее, а, напротив, имеет полную возможность внедриться также и в Корею. Эту мысль Витте приписывает Безобразову. Но нужно сказать, что Витте всецело повторяет традиционный шаблон: «явился некий отставной ротмистр кавалергардского полка Безобразов», человек честный по натуре, но, согласно отзыву собственной супруги, «полупомешанный», был представлен царю, затем «получил влияние у его величества» и, наконец, «начал действовать на свой, так сказать, счет и страх». Все это тот прочно утвердившийся исторический лубок, который, собственно, не в состоянии выдержать даже первого прикосновения критического анализа. Почему на императора Николая всегда «имели влияние» только такие ротмистры или гадатели, или тибетские врачи, которые говорили и были готовы делать то, чего твердо желал еще до их пришествия сам Николай; почему ни разу не было такого ротмистра или прорицателя, или колдуна, который хоть в чем-нибудь разошелся бы с пристрастиями императора Николая II и хоть один день после этого сохранил бы «влияние»; каким образом «некий отставной ротмистр» мог без малейшего труда побороть Витте, не представляя собою и не имея за собою абсолютно никакой собственной силы, никакого значения, будучи в петербургском свете полным нулем во всех отношениях — все эти вопросы ничуть Витте не беспокоят. Явился отставной ротмистр и ускорил столкновение белой расы с желтою. Все эти наглядные несообразности не смущают Витте. Его потрясает, даже когда уже все кончилось, когда он

сидит в Биаррице и пишет мемуары, — это воспоминание о борьбе, в которой он все видел наперед, все верно учел — и остался побежденным, выброшенным за борт государственного корабля. Не все ли равно, по своей ли инициативе действовал царь, и кто был главным актером: самодержец или отставной ротмистр? Он их обоих внутренно слишком презирает, чтобы долго задерживаться на этой детали.

Воля императора Николая II к полному овладению и округлению «Желтороссии», убеждение его, что все это обойдется мирно, ибо войны о н не хочет, тихое, но непреклонное его нежелание подчиниться советам Витте и в то же время стремление как-нибудь обойти все эти противоборствующие течения и устрашающие аргументы—вот что вдохнуло силу в отставного ротмистра Безобразова и его друзей, составивших еще в 1898 году план постепенного экономического овладения корейской территорией и усиления политического влияния в Корее при посредстве «частных» коммерческих компаний. Намечалась и еще сила, которая непременно подоспела бы на помощь безобразовским проектам, если бы катастрофа 1904 года не положила предел всему: это был тот европейский финансовый капитал, который неминуемо овладел бы этими «частными» предприятиями. Но — это было в будущем; а в настоящем была стойкая, ни разу не изменившая Безобразову, поддержка Николая. Безобразов делал именно то, чего еще до его появления желал Николай.

Упорная борьба Витте против Безобразова и его друзей длилась в 1899, 1900, 1901, 1902 годах.

У Николая и Безобразова в сущности не было настоящей, деловой и активной поддержки в совете министров. Министры боялись стать резко

на сторону Витте, но некоторые из них тоже с беспокойством относились к этим появившимся в непосредственной близости к царю искателям приключений, «финансистам», откровенно (и с раздражительностью) заявлявшим, что денег у них нет и что казна обязана дать им деньги. Безобразов уже в 1902 году требовал от царя, чтобы Витте был смещен, и настаивал, что все предприятие должно будет остановиться «до того времени, как у нас будет новый министр финансов». «Мой государь», «большое русское дело»—с одной стороны, «английское пройдошество», «жидовский кагал» и «презренный» Витте — с другой стороны, эта антитеза, выработанная Безобразовым, имела полный успех. Витте был необычайно вреден потому, что не давал финансистам, собравшимся получать концессии в Корее, именно тех финансов, без коих им невозможно было даже и начать свои действия. И не только он отказывал им в деньгах, но открыто агитировал против всей затеянной ими опаснейшей авантюры. Безобразов правильно ставил, с своей точки зрения, вопрос: либо отказаться от корейского предприятия, либо удалить Витте. Третьего выхода не было. Кружок Безобразова (его двоюродный брат Абаза и др.) забирал силу не по дням, а по часам. С лета 1902 года к ним вполне присоединился новый министр внутренних дел Плеве. Для Плеве будущая война с Японией, «маленькая победоносная война», казалась желательным противоядием против революции; а в ожидании можно было, действуя с Безобразовым, свергнуть врага, могущественного министра финансов. Борьба для Витте становилась непосильной. У Витте был большой и своенравный характер; но добровольно уйти от власти он никогда не был в состоянии. Это было

сильнее его . . . Когда в феврале 1903 г. царь заставил его дать, наконец, Безобразову, два миллиона из государственных средств, Витте дал. Он дал их, зная твердо, что в лучшем случае эти два миллиона будут разворованы, а в худшем ускорят войну с Японией. В своих мемуарах Витте ни единым звуком не упоминает об этих двух миллионах, об этой своей малодушной уступке, сделанной в прямой, ясно сознаваемый вред России исключительно во имя сохранения за собою министерского портфеля. И все-таки итти дальше по этому пути, перейти в стан Безобразова Витте никак не мог. Одно за другим, весною 1903 года, произошло несколько совещаний, и Витте на всех запальчиво, страстно, не взвешивая выражений, требовал ликвидации затеваемого предприятия. Видя, что Николай II твердо ведет свою линию, Витте поехал к князю Мещерскому, издателю «Гражданина», человеку, к которому с брезгливостью относились очень многие крайние консерваторы и которого презирал Витте, как он того и не скрывает в своих воспоминаниях. Он просил Мещерского повлиять на Николая. Витте и тут совсем не понял, что Мещерский, как и всякий без единого исключения человек, которому приписывалось «влияние» на императора Николая II, «влиял» на него лишь вплоть до той минуты, пока говорил и делал то, чего желал Николай. Мещерский был тогда в зените своей близости к царю и своего придворного значения. Но стоило ему (вполне разделявшему в этом вопросе взгляды Витте) написать Николаю об опасностях безобразовской политики, как он получил от царя в ответ возражение на все эти предупреждения и ироническую приписку: «6 мая увидят, какого мнения по этому предмету я держусь». А 6 мая Безобразов, отставной

ротмистр, решительно вне всякого обычного порядка, был сделан статс-секретарем. С чисто формальной стороны подобный акт был (со времен Павла I) едва ли не единственным в русской истории. Это и был ответ Витте и Мещерскому, данный императором Николаем.

И все-таки, несмотря на эту пощечину, Витте не уходил. Падение его было предрешено. Что царь его ненавидит, об этом знали все и в России и в Европе, — по крайней мере, все заинтересованные. Чтобы избавиться от оппозиции Витте, Плеве и Безобразов добились учреждения дальневосточного наместничества, при чем наместником был сделан пособник и клеврет Безобразова Алексеев. К Алексееву переходила вся внешняя политика, касающаяся дальневосточных дел, не говоря уже о всех делах внутренних этих земель (Квантуна и Маньчжурии). Об учреждении наместничества не только Витте, но и министр иностранных дел Ламсдорф и все министры вообще, кроме Плеве, — узнали «из газет». С этой поры активно и сколько-нибудь плодотворно бороться против планов касательно Кореи становилось для Витте невозможным.

Он явно изнемогал уже в непосильной борьбе. Дорого ему давался уже с несомненностью обозначившийся проигрыш. Именно в эти дни увидел его однажды А. Ф. Кони: «Я встретил Витте в июне 1903 года, проживая в Сестрорецком курорте. Он приехал верхом и ходил, то ускоряя, то замедляя шаг по крытой длинной галлерее близ морского берега, досадливо и с явным невниманием слушая какие-то объяснения старшего врача курорта. Я едва узнал в этом согнувшемся мешковатом, с потухшим взором и тревожным лицом, человеке самоуверенную и энергичную фигуру министра

финансов»... Он заговорил, но «я видел, что это лишь машинальные фразы, что он даже не слушает моих ответов и что он, оглушенный шумом внутренней тревоги, среди злобного торжества многочисленных врагов, радуется встрече с человеком, который не учинил ему никакой неприятности. Я понял, что над ним нависла грозовая туча».

Проходили последние дни, когда, уже лишенный всяких средств бороться против воли Николая II, Витте, своим светлым и огромным умом понимавший полную невозможность дальнейшего своего пребывания у власти, мог еще мотивированно подать в отставку и дать своей отставке характер яркого протеста против того черного дела, которое делалось на Ялу и которое он считал и губительной нелепостью и историческим преступлением. Но — как в феврале 1903 года он предпочел дать два миллиона, лишь бы оставаться у власти, так летом того же 1903 года он перенес и статс-секретарство Безобразова и учреждение наместничества — лишь бы не уходить, лишь бы еще месяц, еще неделю остаться министром. Но прошли месяцы, прошли недели, — и настало 16 августа 1903 года, когда Николай II попросил, к удивлению Витте, чтобы министр финансов привез к нему управляющего государственным банком Плеске. «Государь очень милостиво меня встретил... Когда я уже встал, чтобы проститься с его величеством, государь император, видимо, несколько стесненный, сконфуженный обратился ко мне с вопросом: привез ли я Плеске?» и спросил мнения Витте о Плеске. Мнение оказалось очень хорошим. Тогда царь сказал: «Сергей Юльевич, я вас прошу принять пост председателя комитета министров, а на пост министра финансов я хочу назначить Плеске».

Дело было сделано. Рассказывая обо всем этом и косвенно порицая Ламсдорфа за то, что он тогда же не подал в отставку, Витте вовсе и не замечает всей ложности своего собственного поведения и положения. Его добровольная, демонстративная отставка несколькими месяцами раньше была бы историческим фактом очень крупной величины: его отставка 16 августа 1903 года была инцидентом в петербургской хронике чиновничьих назначений и перемещений, деталью формулярного списка статс-секретаря Серг. Юл. Витте.

Как и всегда, на протяжении всех трех томов его воспоминаний, у Витте явственно перебивают друг друга два настроения; или, точнее, сменяются два тона — один более искренний, а другой безусловно симулированный. Искреннее презрение и ненависть к человеку, последовательно и упрямо губившему и Витте, и Россию, и себя самого, вдруг сменяются торопливым желанием прикинуться верноподданнейшим монархистом, свято верующим в благие предначертания сбиваемого с толку, но добронамеренного помазанника. Витте все время как будто спохватывается, что, ведь, его песенка может быть еще и не спета, что его еще могут когда-нибудь призвать к делам, и, неровен час, мемуары попадут как-нибудь из Биаррица в Зимний дворец. Так и тут: рассказавши о своей отставке, Витте ни с того ни с сего начинает почтительнейше доказывать, что, в сущности, государь в начале авантюры «склонялся» к мнению своих «ответственных министров», а вот только Плеве так подействовал, что дал торжество Безобразову, который впрочем был государю «весьма симпатичен». Витте не только в 1903 году не захотел укрепить за собою своей своевременной и добровольной отставкой то большое историческое ме-

сто, на которое ему давала право его упорная оппозиция корейской авантюре, — но он даже и там, в Биаррице, в 1911, в 1912 годах, хочет сознательно извратить и затушевать историю, и все это в тех же целях неистребимой воли к власти, неискоренимой мечты о конце опалы, о возвращении к делам...

Получивши отставку, Витте уехал в Париж. Там тоже многие решительно ничего не понимали в происходящей подготовке дальневосточной драмы; Витте также и в Париже несколькими головами превосходил государственных людей, державших бразды правления. Гулливер переехал с берегов Невы на берега Сены, но все-таки чувствовал себя среди лилипутов.

Так, министр иностранных дел Делькассэ (а он еще считался самым выдающимся по талантам министром иностранных дел Третьей республики) «всюду авторитетно говорил, что по имеющимся у него достоверным сведениям войны быть не может». Остальные министры вторили ему. «Когда я приехал в Париж и увидел, что там существует такое оптимистическое настроение, то, боясь проговориться, я старался ни с кем не видеться и уехал поскорее в Виши», — пишет Витте.

Оптимизм царил не только в Париже, но и в Петербурге. «Государь в отличном настроении духа»,—передавал министр двора барон Фредерикс. Наместник Алексеев вел чисто провокационную политику, возмущаясь «нахальством Японии» и постоянно советуя начать военные действия. Император Николай заявлял, что «он войны не желает», но что «если Япония и Китай не подчиняются, то это потому, что мы с ними церемонились; с ними можно действовать, только внушая страх и не делая уступок, если же и сделать какую-

либо уступку, то как милость белого царя». Формулировал этот строй царских мыслей Витте такими словами: «Одним словом, я войны ни за что не начну, а они не посмеют, — значит, войны не будет». Это именно и были слова Николая II, когда даже и Вильгельм (желавший этой войны) довел до его сведения об идущих в Японии грандиозных военных приготовлениях: «войны не будет, так как я ее не хочу».

Витте вернулся осенью в Петербург, и к нему явился японский посол Курино, не желавший войны, делавший от себя все зависящее, чтобы ее избежать. Он жаловался Витте, что на японские ноты ответы даются спустя месяцы, что Алексеев ведет дело к войне, что Япония раздражена... Курино еще в средине января, за несколько дней до нападения на русские броненосцы, предупреждал Витте, что война вспыхнет через несколько дней, если Россия не даст ответа... Бессильный Витте мог только передать об этом столь же бессильному Ламсдорфу.

...В первый день войны Витте видел Николая II: «У него было выражение и осанка весьма победоносные. Очевидно, происшедшему он не придавал никакого значения в смысле, бедственном для России».

V.

Император Николай II обыкновенно гораздо лучше и тоньше понимал мнение о себе собеседников и контрагентов, чем им это казалось. Так было с ограниченным Вильгельмом, так было и с могучим Витте. Витте, повидимому, и не догадывается, что Николай II не просто был к нему «нерасположен», но всею душою ненавидел его и, конечно, ненавидел его именно, прежде всего, вследствие

нетерпеливой манеры Витте и его неуменья (невзирая на все усилия) скрыть полнейшее свое неуважение к Николаю и ко всем основным интеллектуальным и моральным качествам, коими природа одарила этого монарха. «Ум, любя простор, теснит», и, разумеется, Витте теснил собою сдержанного, внешне корректного и прекрасно воспитанного царя, постоянно оскорблял его, сам того не замечая (и только в мемуарах, изредка и рассеянно, в этом оправдывался в том духе, что, вот, действительно, каюсь, бывал с царем резок). И было еще одно условие, которое не могло не усиливать ненависти Николая II к Витте: все-таки без Витте, в конце концов, никак нельзя было обойтись. Всегда, когда требовался в самом деле очень большой ум и изворотливость, приходилось, хоть со скрежетом зубовным, обращаться всякий раз на Каменноостровский проспект. Пред войной—Витте не требовался: Безобразов и Алексеев рвутся в бой и удостоверяют, что японцы либо уступят, либо будут на-голову разбиты. Во время войны Витте тоже не требовался (для самой войны), ибо, во-первых, войска идут в бой безропотно, и, значит, еще воевать можно очень долго, а, во-вторых, помощник обер-гофмаршала полковник Путятин гарантирует полную победу на основании точного на сей предмет предсказания св. Серафима Саровского [1]. Но когда в 1904 году понадобилось заключать новый торговый договор с Германией или в 1905 году мириться с японцами,

[1] I, 222... «Путятин во время войны с Японией несколько раз выражал свое удивление в том, что есть люди, и, казалось ему, порядочные люди, которые полагают, что мы можем быть сокрушены японцами, тогда как существует несомненное предсказание Серафима, что нами победоносный мир будет заключен в Токио».

или в 1906 году получить 2¼ миллиарда франков в Париже, то в этих случаях какое-то непосредственное и неодолимое чувство внушало даже душам, наиболее склонным ко всему потустороннему и мистическому, что тут со статс-секретарем Витте никакому чудотворцу лучше даже и не начинать тягаться. Нетерпеливый, легко раздражающийся, плохо воспитанный, самоуверенный, дерзновенный, всех презирающий Витте вдруг опять становился нужен и даже неизбежен, и опять приходилось итти к нему на поклон, расплачиваясь потом за это с ним еще большею ненавистью, чем прежде.

Кончался в 1904 г. десятилетний срок русско-германского торгового договора, заключенного в 1894 году, — и Витте по просьбе Николая II взял на себя переговоры о новом договоре. Опять ему пришлось стоять лицом к лицу с Германией, — но не та была обстановка: Витте мог на этом деле учесть, как страшно все изменилось за десять лет и как мало уцелело от «наследства Александра III», от былой мощи. В самом деле. Германское правительство готовилось пожать первые обильные плоды русской дальневосточной политики и борьбы России с «желтым драконом», против которого Вильгельм столь горячо приглашал в свое время «народы Европы» соединиться. Договор 1894 года был блистательной победой Витте над германскими аграриями. Теперь, в 1904 году, аграрии «взяли реванш» самый полный. Еще до отъезда Витте в Германию было собрано особое совещание, чтобы установить общую линию поведения в этом вопросе. Вильгельм с ударением и многократно заявлял, что Россия, воюя с Японией, может быть совершенно спокойна за свою западную границу. Это означало, что, в случае ссоры с ним, Россия уже не может быть столь спокойна

за эту границу. Дело было уже после Тюренчена, после первых русских потерь на море, наконец, после того, как для всех в Европе и почти всех в России безнадежный проигрыш войны вполне выяснился. Совещание, повидимому, было настроено довольно панически. Да и в самом деле, речи быть не могло о таком сопротивлении германским притязаниям, как то, которое оказал Витте в 1892—1894 годах. Не только было абсолютно немыслимо возобновление таможенной войны, но даже сколько-нибудь длительное упорство с русской стороны грозило беспокойнейшими осложнениями. Кроме непосредственной угрозы, к которой всегда мог прибегнуть Вильгельм, были на-лицо и иные соображения, крайне усиливавшие зависимость и связанность России в этом вопросе: так, новый министр финансов Плеске указал, что Россия должна будет прибегнуть к займам на дальнейшее ведение войны, и что нужно уступить по вопросу о торговом договоре, лишь бы обеспечить за собою германский денежный рынок. Не Витте, конечно, мог при данных обстоятельствах предлагать борьбу и звать к опасному сопротивлению. Он высказался в том смысле, что нужно будет пойти на уступки, на явный экономический урон для России в виду политико-стратегических соображений. Первые переговоры начались в письменной форме, и Витте, несмотря на вышеупомянутые решения, так упорно и ловко отстаивал безнадежно проигранные русские позиции, что понадобилось личное обращение Вильгельма к Николаю II, чтобы сопротивление Витте было окончательно сломлено. Собственно, когда он выехал на остров Нордерней (летом 1904 года) для переговоров с канцлером графом Бюловым, то дело было ясно для обеих сторон: Витте знал, что усту-

пит, и знал также, что граф Бюлов это знает уже наперед. Две недели длились переговоры. В умственном отношении граф Бюлов был крупным человеком, если его сравнивать с другими канцлерами после-бисмарковского периода, с Каприви, или с Гогенлоэ, или—позднее—с Бетманом-Голльвегом, но он был, конечно, очень мал, если его сравнить с Витте. Но тут, летом 1904 года, слишком уж выгодна была для графа Бюлова самая обстановка спора. Отстоявши все, что только при самых неблагоприятных условиях можно было отстоять, Витте должен был уступить в весьма важных пунктах, но в самом конце негоциации все-таки Бюлову пришлось неожиданно испытать львиный коготь: «Это человек недурной, хитрый, не особенно деловитый и не особенно умный, но умеет хорошо говорить, вообще, как человека государственного, считаю его совершенно второстепенным» — так определяет Витте графа Бюлова. И, когда уже обсуждение торгового договора подходило к концу, Витте принялся вдруг настаивать на официальном обязательстве со стороны германского правительства открыть германский денежный рынок для русских займов. Бюлов всячески хотел уклониться от этого, показывал несколько телеграмм от Вильгельма, прямо воспрещающих это делать, и т. д. Витте дождался, когда договор был уже совершенно готов, но еще не подписан, — и вдруг выехал из Нордернея в Берлин, объявивши, что подпишет договор в Берлине. На другой день прибыл туда и Бюлов. Совершенно очевидно, что этою внезапностью Витте рассчитывал несколько обеспокоить Бюлова, который, конечно, очень хотел, чтобы выгодный для Германии торговый договор был немедленно и подписан, без дальнейших трений, правда, опас-

ных для России, но и не очень приятных для Германии: словом, Бюлов не мог не желать, чтобы созревший плод можно было, наконец, заполучить в руки. Витте явно на все это и рассчитывал, внезапно сорвавшись с места и выехавши из Нордернея в Берлин. «На другой день туда приехал и Бюлов. Тогда я заявил, что не подпишу договора, который уже лежал на столе в готовом виде, пока не получу официального обязательства об открытии немецкого денежного рынка. Бюлов, увидав с моей стороны такую решимость, чрез четверть часа дал мне письмо, разрешающее заем, а я с своей стороны тогда подписал договор». Этот эпизод характерен для Витте, как дипломата; он и дальше обнаружил уменье, не имея за собою никакой силы и материальной опоры, сообразить, каков тот максимум уступок, на который пойдет победитель, лишь бы не затягивать получения плодов своей победы, и в какой момент целесообразнее всего предъявить к победителю соответственное требование. Большим впоследствии нареканиям подвергся Бюлов в Германии за эту внезапно вырванную у него уступку.

Когда Витте еще находился в Германии, — блеснул луч надежды на близкий конец «позорной и бессмысленной» бойни, затеянной на Дальнем Востоке: получились в Берлине положительные известия, что Япония вовсе не прочь заключить мир и что японский посол в Лондоне барон Гаяши хочет где-нибудь встретиться с Витте. Одновременно граф Бенкендорф, русский посол в Лондоне, дал знать об этом и в Петербург. Витте убежден был, что, если ему поручат переговоры с Гаяши, то война окончится и окончится с не очень большими потерями для России. О необходимости мириться немедленно доводил до сведения вла-

стей в это же самое время и защитник Порт-Артура Кондратенко. Но все это провалилось; Николай II и слышать не желал о мире. Он, впрочем, и пред самою Цусимою не желал мириться, и Витте знал это: «Тогда государь, по свойственному ему оптимизму, ожидал, что Рождественский перевернет все карты войны. Ведь Серафим Саровский предсказал, что мир будет заключен в Токио, значит, только одни жиды и интеллигенты могут думать противное». Войне суждено было, таким образом, длиться не ½-года, но 1½ года.

Только после гибели русского флота в Цусимском проливе и, главное, после восстания на «Потемкине» император Николай начал подумывать о прекращении войны. Если бы летом 1904 года он согласился на встречу Витте с бароном Гаяши,— не только потери России были бы при заключении мира меньше, но и несколько сот тысяч человек, погибших при Ляояне, Вафангоу, Сандепу, Мукдене, Цусиме, остались бы в живых. Но это соображение весьма мало кого в Петербурге и Царском Селе тревожило, — и если уже очень скоро после начала посреднических действий Рузвельта опять стали поминать имя Витте (еще до того, как окончательно отказались Муравьев, Извольский и Нелидов) — то произошло это вовсе не вследствие чего-либо похожего на раскаяние, а все по той же причине: не было на-лицо другого человека, который посмел бы на себя взять подобную задачу. Извольский прямо так и заявил, что «единственно кому можно было бы дать такое трудное поручение — это Витте, в виду его авторитетности как в Европе, так и на Дальнем Востоке».

Но долго Николай не хотел итти на такое унижение. Восемь лет подряд отвергать все требова-

ния, советы, предостережения, увещания Витте и до войны и во время войны, совершить одно за другим все поистине неслыханные безумства, гибельные последствия которых Витте наперед указывал, — и просить того же Витте, чтобы он ликвидировал эти последствия, потому что никто другой сделать это не в состоянии, — все это, конечно, было нелегко. Когда в первом же своем докладе по поводу выбора будущего главы русской делегации министр иностранных дел Ламсдорф назвал Витте, то царь написал: «Только не Витте». Только после окончательного отказа всех, к кому обращались, Николай II, «нехотя изъявил согласие» [1]. Николай II боялся (зная Витте), что натолкнется на отказ, именно затем, чтобы его унижение пред Витте было больнее; к Витте поэтому был предварительно подослан граф Ламсдорф. «Государь, ранее чем делать мне это предложение, поручил ему, в виду наших личных хороших отношений, узнать это от меня, так как государю, конечно, будет неловко получить от меня отказ».

Витте согласился, — и царь в краткой беседе благодарил его и сказал, что он хочет заключения мира, но «не может допустить ни хотя бы одной копейки контрибуции, ни уступки ни одной пяди земли». Витте, впрочем, не нуждался ни в каких руководящих указаниях; и когда граф Ламсдорф спросил его, желает ли он сохранить «инструкцию», которая была изготовлена для Муравьева (отказавшегося ехать), то Витте дал любопытный по-своему ответ, что для него это безразлично, так как все равно он с инструкцией считаться не будет, а будет ею пользоваться «постольку, поскольку

---

[1] Дневник Коростовца, стр. 180 («Былое», 1918, № 1).

сочтет нужным». Инструкция составлялась с участием Николая, которому, конечно, не только могли, но даже обязаны были сообщить о словах Витте. Этот эпизод дает нам некоторое представление о том, что, несомненно, должен был вообще вытерпеть Николай в эти дни, пред отъездом Витте в Портсмут. Великодушие, всепрощение и мягкость не принадлежали к числу добродетелей вновь назначенного главы русской мирной делегации.

Витте не только был абсолютно равнодушен к каким бы то ни было «инструкциям», которые он наперед решил не исполнять, но столь же безразлично он относился и к составу своей свиты. Эта свита подбиралась еще тогда, когда думали, что поедет Муравьев. Но Витте не пожелал даже внести какие бы то ни было изменения в личном ее составе. Он так твердо знал, что будет делать только то, что сам найдет нужным, ни с кем не советуясь и не считаясь, что не все ли ему равно было, будет ли при нем Мартенс, «очень хороший человек», но «крайне ограниченный, если не сказать более», или этот очень хороший человек останется в Петербурге; будет ли Плансон, Розен, или Коростовец, или Ермолов, — или вместо них будут другие. При Витте все члены делегации не могли иметь и тени самостоятельного значения. Им почти ни разу не приходилось даже и разомкнуть уста в Портсмуте.

6 июля Витте выехал к месту назначения. Конечно, первым важным этапом был Париж. В Париже правительство находилось еще под живым впечатлением угрожающей демонстрации Вильгельма II,—поездки его в Танжер, провозглашения тоста за «независимого» марокккского султана и под впечатлением ряда других аналогичных угроз, приведших к выходу в отставку Делькассэ (за

месяц до прибытия Витте в Париж). Поэтому как первый министр Рувье, так и президент республики Лубэ, хорошо понимая всю опасность для Франции дальнейшего ослабления России, всячески убеждали его в необходимости немедленного заключения мира. Рувье убеждал Витте не противиться даже, если японцы потребуют контрибуции, обещая при этом финансовую помощь Франции. Витте заявил на это, что ни одного су контрибуции Россия не заплатит, а на увещание Рувье, что, вот, Франция уплатила в свое время Германии громадную контрибуцию, но это не умалило ее достоинства,—Витте ответил, что, когда японская армия подойдет к Москве, тогда, может-быть, и Россия согласится платить. Вообще, Витте не очень обходителен был с французами. Он неоднократно выражал свое убеждение, что если бы они энергично воспротивились губительной политике Николая II, то и всей японской войны могло бы не быть.

Было нечто, глубоко раздражавшее и оскорблявшее Витте во время этого его пребывания в Париже. Тут он на целом ряде невесомых, но очень реальных мелочей, чуть заметных деталей, болезненно почувствовал, как страшно подорван престиж России. Это была та обида, которую Витте ощущал не только за Россию, но и за себя самого. «Уже будучи в Париже, я почувствовал чувство патриотического угнетения и обиды. Ко мне, первому уполномоченному русского самодержавного государя, публика уже относилась не так, как она относилась прежде только как к русскому министру финансов, когда мне приходилось бывать в Париже, и даже не так, как она относилась прежде ко всякому русскому, занимающему более или менее известное общественное или государ-

ственное положение. Большинство относилось равнодушно, как к представителю quantité négligeable, и иные с чувством какого-то соболезнования, другие, впрочем малое меньшинство, с каким-то злорадством»...

Витте решил непременно приобщить к испытываемым им чувствам того человека, которого он и считал виновником всего позора. Николай был временно в его руках, он должен был терпеливо снести от Витте любое оскорбление, не имея ни малейшей возможности (немедленно по крайней мере) защитить свое самолюбие. А Витте вовсе не расположен был миловать и хорошо учитывал момент. Повидимому, он находил, что недостаточно обстоятельно простился с государем пред отъездом. Он решился поэтому прибегнуть к почте.. «„Нравственно тяжело быть представителем нации, находящейся в несчастьи; тяжело быть представителем великой военной державы, России, так ужасно и так глупо разбитой! И не Россию разбили японцы, не русскую армию, а наши порядки, или правильнее, наше мальчишеское управление 140-миллионным населением в последние годы“. Это я написал графу Гейдену в письме для его величества... Конечно, меня ненавидели, такую правду цари редко когда слышат, а царь Николай совсем не привык слышать». Любопытно, что Витте, в подобных своих поступках руководившийся исключительно ненавистью и презрением к императору Николаю, всегда хочет выставить себя в глазах потомства неким правдолюбцем, в стиле, например, сподвижника Петра I, вошедшего в легенду, князя Якова Долгорукого — режущим правду-матку будто бы исключительно по прямоте бесхитростной и чистосердечной своей натуры: вообще, Витте не склонен преувеличивать

умственные способности предполагаемых читателей своих мемуаров.

После этой прощальной весточки из Парижа государю Витте отплыл в Америку.

VI.

Способности больших дипломатов развертываются в полном блеске, конечно, в ликвидации несчастных войн, а не в использовании результатов войн счастливых, хотя, конечно, и для такого использования часто требуются большие интеллектуальные усилия. Витте за те шесть дней, которые он провел в своей пароходной каюте, должен был бы не раз вспоминать о князе Талейране, едущем в 1814 году на Венский конгресс (если бы Витте интересовался Талейраном и, вообще, историею, — чего, повидимому, не было и следа). Витте пишет, что, в уединении, во время переезда через океан, он, много передумав, «остановился на следующем поведении: 1) ни в чем не показывать, что мы желаем мира, вести себя так, чтобы внести впечатление, что если государь согласился на переговоры, то только в виду общего желания почти всех стран, чтобы война была прекращена; 2) держать себя так, как подобает представителю России, то-есть представителю величайшей империи, у которой приключилась маленькая неприятность; 3) имея в виду громадную роль прессы в Америке, держать себя особливо предупредительно и доступно ко всем ее представителям; 4) чтобы привлечь к себе население в Америке, которое крайне демократично, держать себя с ним совершенно просто, без всякого чванства и совершенно демократично; 5) в виду значительного влияния евреев, в особенности в Нью-Иорке, и в аме-

риканской прессе вообще, не относиться к ним враждебно, что, впрочем, совершенно соответствовало моим взглядам на еврейский вопрос вообще».

Он и действовал в этом духе в течение всего своего пребывания в Америке. «Я был ежеминутно на виду, как актер на большой сцене, полной народом», вспоминает он. Роль свою (очень трудную) он сыграл мастерски. Его свита впоследствии не скрывала своего восторга пред ловкостью, обдуманною и всегда удававшеюся хитростью всех шагов Витте в Америке, и крупных и мелких. Дебютом в этом направлении было знаменитое «предложение» Витте, чтобы при всех заседаниях конференции присутствовали все корреспонденты газет, какие пожелают. Пишущий эти строки находился во время портсмутских переговоров в Париже и внимательно следил как за французскою, так и за английскою и американскою печатью и хорошо помнит то колоссальное впечатление, которое произвело на весь мир это изумительное по своему широчайшему, неслыханному либерализму заявление главы русской делегации. Ларчик, впрочем, был открыт уже вскоре после заключения Портсмутского мира, когда в прессе подводились итоги. Уже тогда слышались голоса, что Витте в данном случае играл без всякого риска: ведь, он твердо знал, что японцы, все равно, ни за что не согласятся на ведение переговоров в присутствии прессы и даже отнесутся к этому, как к совсем нелепому и невозможному домогательству. Витте, ведь, и сам ни за что не стал бы вести переговоры при подобных изумительных условиях. Но почему же ему с первых слов и не обнаружить пред прессой своего теплого к ней отношения, если он наперед знает, что ничего затруднительного отсюда не получится, а бра-

нить в прессе будут не его, но японцев, его же будут превозносить до небес? Витте в своих воспоминаниях в точности подтверждает это объяснение своей выходки: «Я с самого начала переговоров, между прочим, предложил, чтобы все переговоры были доступны прессе, так как все, что я буду говорить, я готов кричать на весь мир, и что у меня, как уполномоченного русского царя, нет никаких задних мыслей и секретов. Я, конечно, понимал, что японцы на это не согласятся, тем не менее мое предложение и отказ японцев сейчас же сделались известными представителям прессы, что, конечно, не могло возбудить в них особенно приятного чувства по отношению к японцам».

Витте был актером в страшно трудной пьесе, но разыграл он ее так блистательно, что Рузвельт официально заявил японцам к концу переговоров, что за время переговоров симпатии американского общественного мнения передвинулись заметно на сторону России. Конечно, не в том только было дело, что Витте либеральничал с прессою (тогда как Комура не пускал никого к себе на порог); что беспрепятственно позволял себя произвольное количество раз фотографировать; что побывал в англиканской церкви; что ездил кататься по еврейским кварталам Нью-Иорка и целовал там ребятишек; что (к удивлению и удовольствию газет) всегда жал руку машинистам возивших его поездов и неясно давал понять при случае, что и сам он будто бы тоже был в свое время чем-то недалеко от машиниста; что, беседуя с делегацией еврейских крупнейших банкиров, чуть ли не превзошел их самих в безудержном юдофильстве и вызвал их восторженные отзывы в печати; что газеты ежедневно разносили известия о том, как

Витте запросто разговаривает с прислугою, и все повторяли, что он обращается со всеми вообще, как равный с равными [1]. Конечно, не в этой обстановочной части было главное. Но все эти особенности, о которых трижды в день кричали газеты, все это неслыханное для дипломата поведение, все бесчисленные беседы с репортерами и редакторами, которые непрерывно печатались, вся эта, с неподражаемым искусством, с истинно артистическим, вдохновенным приближением к натуре проведенная симуляция искренности, добродушия, демократизма, откровенности, простоты — все это безусловно имело значение. Любопытно, что японские делегаты, к концу, начали догадываться и с беспокойством учитывать очевидные и неожиданные результаты продуманной комедии, которую так мастерски разыгрывал на глазах всего света их противник: они тоже перестали гнать от себя прочь корреспондентов, тоже появились в воскресенье в церкви и, вообще, пустились искать популярности. Но у них, замкнутых, сдержанных, как-то решительно ничего не вышло, хотя они старались, по мере сил подражать Витте; образец оказался недосягаемым, да и хватились они слишком поздно. Конечно, помогали Витте главным образом более существенные обстоятельства. Ни Соединенным Штатам ни Англии уже не нужна была дальнейшая русско-японская война. Достигнутая степень ослабления России на Дальнем Востоке казалась Рузвельту достаточ-

[1] В газетах было даже, что Витте в Бостоне поцеловал машиниста, и в дневнике Коростовца мы читаем: «. . . эта легенда о поцелуе сделала больше для популяризации русской миссии, и, в частности, Витте, чем наши дипломатические любезности». Аналогичных выходок Витте насчитывалось немало.

ною, а король Эдуард VII уже определенно думал о «возвращении России в Европу» и о включении России в Антанту. При этих обстоятельствах финансовая почва для продолжения войны становилась для Японии более шаткой, чем была до сих пор. Да и нужно было считаться с вероятным усилением недоверия и враждебности со стороны Соединенных Штатов в случае дальнейших японских успехов. Комура принужден был это учитывать. Этими соображениями, заметим к слову, его впоследствии защищали в Японии его друзья, когда там вспыхнули народные волнения по поводу не вполне удачного, как многим казалось, мира. Но еще раньше его все это учел соперник Комуры, и раньше, чем кому бы то ни было, Витте дал почувствовать это именно Рузвельту.

При первом же свидании с президентом Витте объявил, на какие уступки он не пойдет ни в каком случае. Рузвельт пожелал тогда напугать Витте, чтобы склонить его к уступчивости, и заявил, что, при подобных взглядах Витте, соглашение с Японией будет невозможно. В ответ на это Витте сразу же заговорил о том, как бы сделать так, «чтобы все-таки окончить это дело прилично, дабы не задеть самолюбия его, президента, как инициатора конференции. Было высказано, чтобы все-таки съехаться уполномоченным, констатировать непримиримую противоположность взглядов и затем разъехаться». Другими словами, на неудачную попытку Рузвельта запугать его, Витте ответил такою тонкою симуляцией готовности *в самом деле* прервать переговоры, что Рузвельт, действительно, обеспокоился. Витте по этому вопросу все время вел в Портсмуте опасную игру: он, ведь, знал, что продолжение войны для России чревато новыми и тягчайшими катастро-

фами (в похвальбу кое-кого из военных он нисколько не верил). Нужно было, таким образом, прикидываться, будто Россия нисколько не заинтересована в заключении мира, и в то же время не очень натягивать эту струну и ни в каком случае не допустить, чтобы в самом деле переговоры были прерваны. И в этом вопросе тоже Витте вел сложную и трудную игру с вдохновением прирожденного великого актера: «О растущих к России здесь симпатиях можно судить по газетам. Многие из них, как например „The Evening Post“ и „The New-York Sun“, считавшиеся японофильскими, совершенно перешли на сторону России. Сделалось это как-то само собою. Я приписываю подобный поворот не только ходу переговоров и обстоятельств, но также характеру и обращению Витте, которые подкупают американцев. Он держится просто и в то же время самоуверенно, интересуется или делает вид, что интересуется, всем окружающим. Всех принимает, выслушивает, отвечает на все вопросы и в то же время импонирует своим умственным превосходством»,—пишет в своем дневнике наблюдавший его в портсмутские дни член русской делегации Коростовец. Удивлялись этому и американцы: «Это удивительно, — заявлял в интимном разговоре Томсон: — как Витте сумел в три недели изменить общее положение. Теперь японцы к вам подлаживаются, это очевидно, а ведь было наоборот, да и общественное мнение Штатов переходит на сторону России».

Все это было важно, как благоприятная атмосфера, как обстановка переговоров. Важнее была, как сказано, трудность не только для России, но и для Японии продолжать борьбу. Витте повел переговоры с искусством, вызвавшим (когда были

узнаны детали) восхищение присяжных дипломатов. Он уступил сразу по вопросам, по которым не мог не уступить, отдал Японии Квантунский полуостров и Корею, и без того уже ею занятые, но повел упорную борьбу по вопросу о Сахалине и о контрибуции. Ему удалось отстоять северную половину Сахалина, оборонять которую военными средствами Россия не могла, и удалось заставить японцев отказаться от контрибуции, которую не только французские государственные люди, но и Рузвельт считали совершенно неизбежною (и даже справедливою). Успех в деле борьбы против этого требования Японии был окончательно решен особым приемом, пущенным в ход Витте: он в разгаре прений спросил японцев, отказались ли бы они от контрибуции, если бы Россия согласилась на прочие их требования? Комура ответил отрицательно (очевидно, не желая «продешевить»), и Витте создал из этого аргумент, что японцы намерены продолжать кровопролитие исключительно из-за денег, и этим как в Америке, так и в Англии японская позиция в этом вопросе была крайне ослаблена, так как, вопреки настоятельным просьбам и формальным условиям с бароном Комурою, Витте не только принимал целые тучи корреспондентов, но и «проговаривался» им во всех тех случаях, когда мог возбудить общественное мнение против японцев. Большие и неожиданные уступки японцев нелегко им дались, и были дни (13, 14, 15 августа), когда разрыв казался совершенно неминуемым и когда Витте, в самом деле, казалось, готов был прервать переговоры, хотя он знал (и впоследствии высказывал), что от продолжения войны ждал катастроф и свержения династии. Но он еще тверже знал (не только и не столько умом, сколько свойственной ему интуи-

цией), что разрыва не будет, что японцы уступят. И когда 16 августа 1905 года Комура уступил по всем спорным пунктам, то в американской прессе Витте был назван «королем всех дипломатов».

Это был один из моментов его высшего торжества, хотя он наперед знал, что в Петербурге постараются умалить его заслугу.

Характерно, что одним из первых, приславших ему в Портсмут поздравительную телеграмму, был П. Н. Дурново, тоже думавший, что русская монархия погибнет именно от внешних войн, и поэтому понимавший все значение успеха Витте.

VII.

Дальневосточная политика России была окончена; не так, как желал ее окончить Витте в 1898—1903 гг., но так, как он оказался в силах ее окончить после долгой, тяжкой и безнадежно проигранной войны.

И тотчас же после Портсмута, едва успели просохнуть чернила, которыми был написан мирный трактат, как Витте оказался лицом к лицу с теми двумя европейскими комбинациями, выбирать между которыми значило для России предрешить свою будущую участь: одновременно, едва только Витте, переправившись чрез океан, вступил на твердую европейскую землю, до него дошли известия, что как Вильгельм II, так и король английский Эдуард VII очень бы желали с ним поговорить. И было ясно, что оба очень торопятся. Эдуард сейчас же подослал к Витте в Париж (где тот опять остановился на возвратном пути) секретаря лондонского русского посольства Поклевского, с которым у Эдуарда были личные друже-

ственные отношения, — с целью добиться приезда Витте в Англию, — а в Германию Витте просили приехать не только Вильгельм, чрез парижское германское посольство, но и канцлер Бюлов, находившийся в Бадене. Дело было ясное: Англия и Германия разделили Европу на два лагеря, и каждой из них было желательно по возможности скорее присоединить к своему лагерю Россию. Это мало значило, что Россия только-что разбита, истощена, что в ней идет быстрым темпом усиливающееся революционное движение, что она немедленно никак не в состоянии была бы предпринять военные действия против кого бы то ни было: ведь немедленно никто и не собирался вступать в бой. Важно было обеспечить за собою Россию чрез несколько лет, когда столкновение станет неизбежным. А пока необходимым казалось ковать железо, пока горячо, завести первые разговоры, пока Россия слаба и скорее может пойти на ту или иную предлагаемую ей сделку. Витте, повидимому, в тот момент ощущал ту же беспокойную подозрительность к обеим группировкам европейских держав, которую он проявлял всегда, и до и после этого. Его стародавняя идея — создание континентального блока из России, Франции и Германии—была в последнее десятилетие XIX века гораздо осуществимее, чем в первое десятилетие XX века. Вильгельм II (знавший тогда об этой идее Витте) пропустил в 1898—1899 гг. единственный, никогда ни прежде ни после не бывший момент, когда французы (в лице некоторых деятелей и части прессы) стали как будто задумываться над вопросом о том, против кого им строить свою внешнюю политику: против Германии или против Англии? Разница между Вильгельмом и Витте заключалась в данном случае в том, что Витте был

реалистом до мозга костей и реалистом проницательного и широко охватывающего ума, а Вильгельм (думавший о себе, что он реалист) был всегда утопическим мечтателем; ибо фантазировать даже хотя бы и о чисто-материальных приобретениях и выгодах еще не значит быть реалистом. Вильгельм в 90-х годах был настолько в выгодном положении, что он не хотел итти ни на соглашение с Россией, для которого тогда была почва, ни на союз с Англией, который ему предлагал (повторно) Джозеф Чемберлен. Ему представлялось более выгодным ждать и этим (как он полагал) повышать цену союза с Германией. Теперь, в 1905 году, первые плоды этой неумелой политики уже были на-лицо: Антанта с 1904 года уже существовала, и соглашение Германии с Англией было совершенно невозможно. Оставалась Россия, и Вильгельм старался изо всех сил (уже с 1904 года) создать тот самый континентальный союз, о котором за десять лет до того говорил Витте. Но теперь уже слишком многое изменилось в международной обстановке, и мы сейчас увидим, какую позицию занял Витте относительно планов Вильгельма, а пока отметим только, что он хотел отклонить все приглашения, не видеться ни с Эдуардом, ни с Вильгельмом, ни с Бюловым. Однако, Вильгельм был так настойчив, что Николай II выразил в конце концов желание, чтобы Витте, проездом через Германию, повидался с Вильгельмом.

Уже предосторожности, которыми Витте обставил это свидание, показывают, что он предвидел ловушку: приехавши в Берлин и собираясь отправиться к Вильгельму в Роминтен, Витте счел нужным повидаться с французским послом и заявить ему, что о результатах разговора с германским императором он даст знать послу, чтобы тот уве-

домил своего начальника, премьер-министра Рувье. Витте с первого же момента видел, что все усилия Вильгельма будут теперь направлены к тому, чтобы скомпрометировать Россию в глазах французского правительства и этим уничтожить франко-русский союз, и что Вильгельм поставит вопрос так: либо континентальный союз России, Германии и Франции против Англии, либо союз Германии и России против Франции и Англии. Оттого он и постарался прежде всего «окопаться» и обеспечить себя от французских подозрений.

По приезде в Роминтен, едва только Витте очутился в отведенной ему комнате, туда явился граф Эйленбург и сказал: «что император вспоминает» о том разговоре, который у него был некогда с Витте в Петербурге, о мысли Витте, что континентальная Европа должна прекратить борьбу и соединиться. «Я ему сказал, что очень сожалею, что тогда разговор этот не имел никаких практических последствий. На это граф Эйленбург очень неопределенно заметил, что, может-быть, мое чаяние гораздо ближе к осуществлению, нежели я думаю». Эти таинственные слова Эйленбурга объяснились в тот же день вечером, когда Вильгельм открыл Витте, что в Бьорке эта идея о континентальном союзе трех держав получила уже осуществление (при свидании Вильгельма с Николаем, в июле того же 1905 года). Вильгельм, открывши эту тайну, спросил Витте, доволен ли он, Витте «радостно и с полным убеждением ответил, что очень доволен». Но Витте понимал дело так, что «союза» никакого еще нет и что в Бьорке (он почему-то упорно пишет «в Биорках») могла быть только новая линия поведения. Во втором разговоре с Вильгельмом в тот же день Витте начал сразу с центрального пункта, —

с трудности постепенного сближения Германии с Францией. Отношения эти, всегда бывшие натянутыми, за последние годы еще ухудшились; у Франции уже есть теперь соглашение с Англией, и поэтому соглашение с Германией стало еще труднее. Вообще, нужны для этого «обдуманные и систематические меры», а между тем он, Витте, таковых мер не усматривает ни в действиях русской дипломатии ни в действиях дипломатии его германского величества. В ответ Вильгельм стал жаловаться на вызывающее и оскорбительное поведение французского правительства относительно Германии, на политику Делькассэ и т. д. Витте возразил, что Делькассэ уже ушел, что Рувье хочет примирения, и коснулся спора по марокккскому делу, при чем настаивал на необходимости передать вопрос на разрешение международной конференции. Об этом он уже раньше говорил и самому Рувье, когда застал в Париже тревожнейшую атмосферу и ожидание столкновения с Германией. Конечно, конференция в тот момент была полезна уже Франции, а не Германии. Но аргументация Витте подействовала. Выслушав все резоны Витте, император взял со стола телеграфный бланк и написал телеграмму на имя Бюлова. Показав телеграмму, император сказал: «Вы меня убедили, вопрос будет улажен в указанном смысле». Известие об этом было немедленно отправлено Витте в Париж Рувье. Тревога улеглась, марокккское дело вступило в новый фазис. Конечно, Вильгельм имел в виду этой уступчивостью окончательно привлечь Витте на сторону своего бьоркского плана и одновременно сделать шаг (или показать вид, что делает шаг) к привлечению Франции на сторону затеянной им комбинации. Но ни эта уступчивость ни внезапно пожалован-

ный в тот же день самый высший орден Красного Орла [1], даваемый до той поры только царствующим особам, ни личные проводы Витте на вокзал самим Вильгельмом не могли сделать Витте сторонником бьоркского дела, когда он узнал об истинных размерах и характере этого события по приезде в Петербург.

А случилось это очень скоро, при первом же большом разговоре с Ламсдорфом, приехавшим поздравлять Витте с возведением в графское достоинство. «Да читали ли вы соглашение в Бьорке?» спросил Ламсдорф, когда Витте начал распространяться об идее континентального союза. Витте ответил, что ни Вильгельм ни Николай не дали ему прочесть это соглашение. Тогда взволнованный Ламсдорф дал Витте текст. Узнавши, в чем дело, увидевши, что речь идет об *уже заключенном* между Вильгельмом и Николаем союзе, с обязательством защищать друг друга в войне («даже в войне с Францией»,—вывел сейчас же Витте), прочитавши внимательно текст, Витте не колебался ни минуты: «Да это прямой подвох, не говоря о неэквивалентности договора. Ведь такой договор бесчестен по отношению к Франции, ведь по этому одному он невозможен. Неужели все это сотворено без вас и до последних дней вы об этом не знали? Разве государю неизвестен наш договор с Францией?». Ламсдорф ответил: «Как неизвестен! Отлично известен. Государь может-быть его забыл, а вероятнее всего не сообразил сути дела в тумане, напущенном Вильгельмом»... Тогда кавалер Черного и Красного Орла категорически заявил, что нужно сейчас же уни-

---

[1] «Черного Орла» Вильгельм дал Витте еще в 1897 году, как сказано выше.

чтожить этот договор, и начал немедленно и очень деятельно работать в данном направлении. Мало полагаясь на авторитетность Ламсдорфа у государя, Витте обратился к Николаю Николаевичу. Уже через несколько дней соединенные усилия дали плод. Николай II созвал на совещание по этому вопросу Витте, Ламсдорфа и Николая Николаевича. Совещание единогласно решило, что договор должен быть аннулирован немедленно и всецело. «Государю, очевидно, было очень тяжело отказаться от своей подписи, но он должен был на это решиться и разрешить графу Ламсдорфу в этом направлении действовать, — вспоминает Витте: — ... и до меня начали доходить слухи, что германский император перестал мною восторгаться». Вильгельм снова убедился, как и в 1892—1894 гг., что с Витте ему не справиться.

Не императору Вильгельму с Эйленбургом и Бюловым было и браться за эту замысловатую задачу: обмануть графа Витте, — когда это никогда не удавалось дружной и коллективной умственной работе самых испытанных банкирских синдикатов и концернов, самых закаленных в боях, самых могущественных мировых бирж. Но Витте, разрушивши бьоркское соглашение, вовсе не перестал держаться всегдашней своей идеи о континентальном союзе. Он только не хотел, чтобы Вильгельм впоследствии втянул Россию в войну против Англии, и не желал также, чтобы был разрушен франко-русский союз, без которого Россия оказалась бы в финансовом отношении в тот момент беспомощной. А Вильгельму именно эти две цели и были дороже всего во всем затеянном в Бьорке предприятии.

Но, с другой стороны, Витте очень опасался и слишком тесного сближения России с Англией,

опять-таки потому, что ни за что не хотел, чтобы и Англия втянула, с своей стороны, Россию в войну против Германии. Когда в 1907 году было заключено англо-русское соглашение, Витте не был спокоен: «Само по себе это соглашение полбеды, но как бы оно не стало началом других, которые могут кончиться большими пертурбациями». По поводу этого присоединения России к Антанте Витте заявлял, что в этом событии (которому Витте не сочувствовал) виновата отчасти именно «близорукая дипломатия» Вильгельма. С тех пор Витте не был спокоен за международное положение России: «В одном я уверен, это — что если императору Вильгельму не дано реального удовлетворения ... то он будет носить против России за пазухой камень».

VIII.

Октябрьская забастовка, манифест и все то, что за манифестом последовало, эра Дурново, которого, как теперь выяснено с документальною точностью, граф Витте, вопреки ходячей легенде, не только не останавливал, но напротив подстрекал и натравливал на самые крутые действия, отчаянная и кровопролитная борьба, вновь возгоревшаяся в декабре 1905 года и продолжавшаяся в 1906 г. — все эти события, тесно связанные с историей премьерства Витте, нас тут не касаются. Бывший приверженец самодержавия стал на сторону «конституции». Правда, на свой «манифест 17 октября» Витте смотрел по собственному признанию так: «Лучше воспользоваться хотя и неудобною гаванью, но выждать бурю в гавани, нежели в бушующем океане на полугнилом корабле». Правда, и во время премьерства между ним и П. Н. Дурново можно провести полнейший

знак равенства (в смысле отношения к осуществлению принципов манифеста), — и позднее, в Государственном Совете, некоторые выступления Витте были прямо направлены в сторону урезывания и уничтожения законодательных прав Думы (и все это с явною целью выйти из своей второй опалы и опять получить власть), — но все эти оговорки, все эти усилия, вся готовность «кривить душою»— все это не привело к результату, которого Витте добивался. Уже во время премьерства фактическая власть от него отошла, а когда 15 апреля 1906 года он вынужден был выйти в отставку, то эта отставка оказалась окончательной. Но еще до этого события произошло последнее выступление графа Витте на международной арене: мы говорим о негоциациях, связанных с заключением знаменитого колоссального апрельского займа 1906 года в Париже.

В этом деле Витте опять обнаружил необычайную изворотливость ума и силу своих дипломатических дарований. Конечно, о «принципиальном» отношении графа Витте к финансовой сделке, которая должна была быть заключенною непременно до созыва Думы именно затем, чтобы дать возможность эту Думу распустить, — говорить не приходится. Витте так и признает мотивы своего поступка: «... мне было ясно, что если первая Государственная Дума, которая, несомненно, должна была быть неуравновешенной и в некоторой степени мстительной, будет сорвана, покуда правительство Николая II не будет иметь хороший запас денег и войска и начнет трактовать заем при Думе, то заем совершится не скоро, а время не терпело... а затем правительство без денег может совсем лишиться свободы действия, необходимой в известной мере вообще, а в смутное

время, которое тогда переживалось, в особенности». Витте, при всех своих индивидуальных, отличительных свойствах, до такой степени все же был ближе к строю, возглавляемому императором Николаем II (которого он иногда ненавидел и всегда презирал), чем к врагам этого строя, что он не усматривает ни малейших противоречий в своих словах и действиях. Особенно мало его тревожат эти противоречия, когда дело идет о министерстве не кого другого, а самого графа Витте. Для него эта деталь имела всегда решающее значение. Приведем пример. Расстреливать не только можно, но и должно, но лишь в том случае, если премьером состоит граф Витте. Если же он заменен Столыпиным или Коковцовым, или кем угодно, — тогда граф Витте подымается, говоря о расстрелах, до истинно-революционного пафоса: «Министр Макаров . . . закончил свою речь, оправдывая совершенные полицией массовые убийства безобразным восклицанием: так всегда было, так и будет впредь. Конечно, не нужно быть пророком, чтобы сказать, что, если так было, то так долго не будет впредь, ибо такой режим, где подобные бойни возможны, существовать не может . . . такое правительство в XX веке долго существовать не может, оно искрошится!». Так громит Витте, в качестве карающего пророка, ленские события 1912 года. Но что все действия его самого (не Дурново только, а именно самого графа Витте) в течение зимы и весны 1905—1906 гг. клонились исключительно к упрочению этого режима и что одним из существеннейших действий этого порядка (притом таким действием, которое совершил и мог совершить только он один, без всякой помощи Дурново или царя, или кого бы то ни было) оказался французский заем, это обстоя-

тельство графу Витте как будто и в голову не приходит. Просто, это кричащее противоречие его нисколько не интерсует, а читателя своих мемуаров он уважает в той же степени, как и все остальное человечество, и считает лишним в чем бы то ни было его убеждать.

Хотя вся огромная область внутренно-политической и финансово-экономической деятельности Витте устранена нами из этого специального очерка, но, конечно, говорить об апрельском займе, не коснувшись некоторых прямо сюда относящихся обстоятельств, невозможно.

Витте твердо желал заключить заем до Думы именно, чтобы держать в руках участь Думы и нисколько от нее не зависеть. А представители русского крупного капитала упорно не понимали, что революция, в своем развитии, непременно (и очень скоро) ударит именно их. Им тоже был неугоден заем, они тоже требовали и ждали всего от Думы. Витте говорит о них с откровенным презрением и насмешкой, по смыслу своему напоминающими сказанные спустя пятнадцать лет слова Троцкого о европейской буржуазии, которая «оказалась сильнее и умнее нашей». Витте приписывал поведение представителей русского крупного капитала в 1905—1906 гг. не какому-то особому надклассовому их великодушию, но исключительно полному непониманию с их стороны страшной революционной опасности, которая выросла не только пред абсолютизмом, но и пред ними самими. Является, напр., к графу Витте Крестовников от имени московского торгово-промышленного мира и просит приказать снизить в государственном банке учетные проценты. «Зная хорошо положение дела, я ему объяснил, что ныне понизить проценты невозможно, при чем я не счел

нужным объяснить о трудности положения дела до того времени, пока мне не удастся заключить заем. После такого моего ответа Крестовников схватил себя за голову и, выходя из кабинета, кричал: „Дайте нам Думу“ . . . и как шальной вышел из кабинета. Вот до какой степени тогда представители общественного мнения не понимали положения дела . . . представитель исключительного капитала воображал, что коль скоро явится первая Дума, то она сейчас же займется удовлетворением карманных интересов капиталистов». И Витте их называет: «умеренные элементы с умеренным пониманием вещей». Он к ним относится не столько с сарказмом, сколько с презрительным юмором.

И Крестовникову и Витте нужна была не первая Дума, а был нужен заем в Париже. Но Витте это понимал, а Крестовников не понимал. Однако, достигнуть желаемой цели оказалось необычайно трудным.

Во-первых, проигрыш войны и революция страшно расшатали и уменьшили престиж и кредит русского правительства на западно-европейских биржах. Зимою и весною 1905—1906 гг. революция еще не была сломлена окончательно, несмотря на подавление московского восстания, усмирение прибалтийских губерний и т. д. В Европе ждали продолжения, при чем слухи распространялись самые фантастические. Если бы даже не было других причин, то уже этой одной было бы достаточна, чтобы страшно затруднить всякую финансовую сделку с Россией. Во-вторых, немногие банкиры, которые были позднею осенью и в начале зимы запрошены (пока неофициально) и которые, вообще, соглашались со временем принять участие в займе, — ставили условием ратификацию займа Думой; еще в большей степени

во французских влиятельных политических сферах говорили о том, что разрешить реализацию русского займа во Франции можно, только если заем будет с согласия Думы (а Витте именно хотел обойтись без этого согласия). В-третьих, наконец, с самого начала русских займов во Франции никогда еще международное положение не внушало таких беспокойств, как в ранние месяцы 1906 г.; шла Алжезирасская конференция держав по вопросу о Марокко.

Затеявши заем, Витте повел целый ряд рассчитанных действий, которые имели целью побороть все эти три трудности.

Центром сопротивления были в его глазах не только банкиры, а также и французское правительство. Требовалось добиться его формального разрешения на производство займа во Франции; когда такое разрешение состоится, сладить с недоверием и «пессимизмом» банкиров всегда удастся. Это Витте со своим глубоким знанием парижской биржи мог учитывать безошибочно. Но как преодолеть сопротивление французского правительства? Что дело идет не о желании французов подкрепить позицию будущей Думы, а совсем о другом, это, впрочем, понял бы и несравненно менее проницательный человек, чем граф Витте, тем более, что и Рувье, бывший первым министром, когда начались первые негоциации о займе, и сменивший его Саррьен, и министр финансов в кабинете Саррьена Раймон Пуанкарэ, и влиятельнейший член кабинета Саррьена Жорж Клемансо (вскоре сменивший Саррьена)—не скрывали, чего они хотят от России.

Речь шла, конечно, об Алжезирасской конференции. Роль Витте в созыве этой конференции была громадна. Мы видели уже, что Вильгельм

окончательно согласился ждать решений конференции и пока прекратить дипломатическую борьбу против Франции именно под влиянием Витте (т.-е. под влиянием соображений, что таким путем можно будет легче привлечь Францию к бьоркскому соглашению). В Париже знали об этом и были благодарны Витте (тем более, что никому из французов даже не был и показан бьоркский документ, да и документ этот, как только Витте о нем в точности узнал, был его же стараниями аннулирован). Но французы понимали, что на самой конференции предстоит жестокая борьба. Решалась участь Мароккансой империи. Положение вещей к концу 1905 года было очень натянутое. Германская дипломатия, правда, еще не созналась тогда в убийственной ошибке Вильгельма и Бюлова, совершенной ими в первые две недели после отставки Делькассэ (т.-е. в средине июня 1905 г.), когда Рувье предлагал им «отступное» в самом Марокко, а они отказались. Но часть германской прессы уже стала себя спрашивать, был ли выгоден этот отказ. И сам Вильгельм, повидимому, очень желал бы уже осенью 1905 года, чтобы Рувье повторил свое предложение. Но Рувье не повторял его, и упущенный случай уже никогда более не представился. Все упования свои германская дипломатия должна была поэтому, волею-неволею, возложить на конференцию. Что должна была дать Германии Алжезирасская конференция? «Открытые двери» в Марокко, полное обеспечение Марокко от политического захвата французами, сохранение обширной Марокканской империи как свободного поприща для приложения германского финансового капитала. Платформа Германии на готовящейся конференции, казалось бы, была очень выгодною, вполне приемлемою для всех

держав и, при сопротивлении Франции, подавляющее большинство держав должны были неминуемо стать на германскую точку зрения, а вовсе не на французскую: равноправие всех держав в Марокко, никаких преимуществ французам.

Но так только казалось, и Германия была очень неспокойна. Ведь в основе, в глубине всех этих споров скрывалось нечто поважнее Марокко. Шла борьба Германии против Антанты (пока еще только двучленной, англо-французской). Было наперед известно, что Англия станет на сторону Франции, что Испания (у которой было соглашение с Францией) тоже станет на сторону Франции, что Италия, получившая обещания, точный смысл коих тогда еще не был известен [1], тоже станет на сторону Франции или не будет, во всяком случае, поддерживать Германию. Значит, Германия могла рассчитывать только на поддержку Австрии. Этого было мало.

Как поступит Россия? Что Витте его обманул, что именно Витте разрушил все результаты бьоркского свидания, — это Вильгельм, конечно, сообразил уже к концу 1905 года, и это не было уже тайною для его приближенных: тон отзывов о Витте резко переменился. Теперь, с октября 1905 года, Витте был премьером. Узнавши его несколько поближе, германский император и Бюлов (и их ближайший советник директор в министерстве иностранных дел барон Фритц фон-Гольштейн) удостоверились, что за поддержку в Алжезирасе, если Россия согласится ее оказать Германии, придется принести жертвы и что, вообще, Красным Орлом и аналогичными способами от

[1] Дело касалось Триполитании, впоследствии и захваченной итальянцами.

Витте не отделаешься. Витте с своей стороны именно так и поставил вопрос с самого начала, что он стоит за справедливое и полюбовное размежевание интересов в Марокко между Францией и Германией, что он прикажет русскому представителю действовать по существу, по справедливости, во имя миролюбия и т. д., словом дал понять и в Берлине и в Париже, что хотел бы прежде всего знать, что именно кто из них может России дать за поддержку?

Начать так игру было, конечно, в прямых его интересах: ведь только таким дебютом он мог дать понять также и французскому правительству, что один только голый факт существования франко-русского союза еще вовсе не обязывает Россию во всем поддерживать Францию и что за эту поддержку нужно на сей раз приплатить. А что поведение России на конференции очень важно и для Франции и для Германии именно с демонстративной, так сказать, стороны, что дело идет о будущих комбинациях, о том, к какой группировке держав впоследствии примкнет Россия, — это хорошо знали в Париже; но не хуже понимали значение этого и в Петербурге. Другою выгодою для Витте от принятого им умышленно неопределенного образа действий было то, что с Берлином предстояли некоторые щекотливые расчеты в декабре 1905 г. по краткосрочным обязательствам, да и нужно было поглядеть, что именно Германия могла бы предложить в будущем.

Для предварительных разведок Витте отправил в Париж и Берлин Коковцова. Но Коковцов попал в самый неблагоприятный момент, в дни московского декабрьского восстания. Рувье ему заявил, что до улажения марокского дела никакого

займа не будет. Впрочем, 100 миллионов рублей в виде аванса, в счет будущего займа, ему дали. В Берлине же успех был больше: германское правительство согласилось посодействовать отсрочке платежа по русским обязательствам (Коковцову). «Удалось отсрочить, что, впрочем, было не трудно, так как германское правительство еще находилось в недоумении относительно моего образа действий по отношению внешней политики», — поясняет Витте. Но эта поездка была именно только первоначальными разведками. Ответ Рувье показывал, что французы понимают игру Витте и что если он ставит вопрос так: «сначала заем, потом Алжезирас», то Париж на это отвечает: «сначала Алжезирас, а потом, если вы заслужите своим поведением на конференции, — заем». Остановимся на характерных моментах. Миссия Коковцова выяснила почву, на которой должно было дать французам бой. Еще 20 декабря Коковцов телеграфировал из Парижа: «Виделся с некоторыми банкирами, настроение которых весьма пессимистическое... Без прямого поощрения правительства они не пойдут. Опасаюсь, что Рувье едва ли выступит решительно», — а уже 21 декабря Коковцов сообщил Витте результат первой своей беседы с Рувье: «Успеху моего трудного положения могло бы значительно содействовать получение мною права заявить Рувье конфиденциально, что в марокском вопросе Франция может рассчитывать на моральную поддержку России в смысле влияния ее на Германию. К этому вопросу Рувье возвращался дважды» [1]. Витте на другой же день телеграфировал Коковцову «с высочайшего соиз-

[1] К переговорам Коковцова о займе в 1905—1906 гг. стр. 4 («Красн. Архив», X, 1925).

воления», что он может передать Рувье, что поддержка России в мароккском вопросе за Францией обеспечена. Но это на французов действовало мало. 6 января 1906 г. Коковцов должен был телеграфировать снова графу Витте, что «все банкиры единогласно и самым решительным образом заявляют о полной невозможности» займа, во-первых, вследствие внутреннего положения в России, а, во-вторых, из опасения войны с Германией по поводу Марокко. Правда, «тем не менее правительство оказывает на банкиров очень сильное давление», но одновременно Рувье, действуя от имени совета министров, объявил, что «только после успокоения в России и разрешения мароккского вопроса значительный заем окажется возможным». В ответ Витте телеграфировал, что «германский император никогда не решится на войну» и что «если бы было возможно заключить заем при условии успокоительного заявления со стороны Германии, вероятно, мы могли бы достигнуть этого в той или иной форме». А в конце телеграммы он выдвинул прямую угрозу государственным банкротством, в случае уничтожения золотой валюты: «Предупредите французское правительство и банкиров, что при прекращении размена мы не будем в состоянии оградить интересы иностранных владельцев наших фондов». Но все это не оказало влияния. Коковцова Рувье успел убедить, что он рад бы, но не может повлиять на банкиров. Но Витте особой телеграммой разъясняет Коковцову, в чем дело: «Французское правительство, пользуясь переговорами о займе, всячески старается понудить нас поддержать их не только на мароккской конференции, но и непосредственно у германского императора».

Нужно сказать, что Витте, по собственным заявлениям, вообще в особую политическую прозорливость других не верил, — и эти опубликованные в 1926 году в «Красном Архиве» архивные документы (телеграммы Витте к Коковцову и Коковцова к Витте), которые мы тут цитируем, носят характер наставлений со стороны графа Витте несколько заблуждающемуся и как бы оправдывающемуся в чем-то Коковцову.

По возвращении Коковцова в Петербург Витте решил непосредственно самому вступить в эту трудную негоциацию. Он вызвал в Россию Нетцлина, главу французского синдиката, для тайных переговоров (приезд Нетцлина был обставлен таким секретом, что его поселили в Царском Селе, во дворце Владимира Александровича). Конечно, Нетцлин был снабжен инструкциями не только от синдиката, но и от людей, стоявших повыше: уступивши по вопросу о Думе (сначала Нетцлин требовал, чтобы заем был заключен п о с л е созыва Думы и, значит, только с ее согласия, а Витте категорически отверг это условие), — Нетцлин настоял на другом: заем должен был состояться лишь после того, как марокккский вопрос будет в Алжезирасе улажен. После этого центрального пункта все остальные были решены Нетцлином и Витте очень быстро—в пять дней (сумма займа была намечена в 2 750 000 000 франков, фактически она оказалась равною 2¼ миллиардам франков = 843¾ миллиона рублей золотом; годовой процент — 6%; заем не подлежит конвертированию раньше 10 лет). Переговоры и их результат должны были держаться в строгой тайне.

Французское правительство получило то, чего оно домогалось: оно держало теперь в своих ру-

ках русскую дипломатию вплоть до конца Алжезирасской конференции. Витте тоже получил то, что хотел: заем до Думы, без Думы, против Думы, и заем колоссальный, в самом деле оказавшийся надолго родником живой воды для надломленного и истощенного русского политического строя. Но отныне все зависело от событий на Алжезирасской конференции, а тут положение Витте оказывалось не из легких: Германия раздражалась, тянула переговоры, ожесточенно спорила. Часто казалось, что конференция будет тянуться еще долгие месяцы. Это происходило от двух причин. Во-первых, если уже к концу 1905 года Вильгельм и Бюлов несравненно меньше желали созыва этой конференции, чем весною того же 1905 г., когда они сами ее потребовали, то с начала 1906 года, когда представители держав съехались в Алжезирасе, для германского императора и его советников стало уже совершенно ясно, как они жестоко ошиблись. Наихудшие их опасения оправдались: с ними голосовала одна Австрия, против них — все остальные державы. Французы стали неуступчивы, и поведение германского правительства делалось все раздражительнее. Во-вторых, Германии хотелось затягивать конференцию еще и потому, что игра Витте была вполне, наконец, разгадана в Берлине. Его переговоры с Нетцлином, конечно, не могли остаться для Берлина тайною. Помешать займу, отдалить заем значило, быть-может, отдалить Россию от Франции, показать Витте, что, разорвавши бьоркское соглашение, он отныне должен считаться с враждою Германии. И это — тем более, что после переговоров с Нетцлином Витте принужден был снабдить русского представителя в Алжезирасе (Кассини) вполне уже определенной инструкцией: поддерживать бес-

прекословно все французские требования и голосовать всегда с французами. Витте понял, что «германский император знает, что нам нужны деньги, что правительству нужно сделать большой заем, и, не желая этого, делает затруднения в Алжезирасе». И в конце января и в феврале Витте зондировал почву в Париже и, получая неизменный ответ с ссылкой на Алжезирас, решил, наконец, обратиться к Вильгельму. Чрез русского посла в Берлине Остен-Сакена до сведения Вильгельма и Бюлова было доведено мнение русского правительства, что Франция дошла до пределов уступчивости, а Германия как бы ведет дело к разрыву. «Мы отказываемся верить, чтобы император Вильгельм, с твердым убеждением высказавшийся пред нашим августейшим монархом за необходимость, в интересах всего человечества, сохранения мира, а также сближения, при посредстве России, между Германией и Францией, решился вызвать разрыв конференции»... Это граф Витте манил Вильгельма надеждою на возобновление в том или ином виде бьоркских переговоров. Другим аргументом, которым Витте хотел воздействовать на германского императора, являлась необходимость борьбы против всесветной революции (в которую сам граф Витте нисколько не верил): «Германскому правительству также хорошо известно, что с благополучным окончанием Алжезирасской конференции тесно связан вопрос о чрезвычайно важных для России денежных операциях; только с осуществлением последних императорское правительство в состоянии будет принять все необходимые меры к окончательному искоренению революционного движения, имевшего уже отголосок в соседних монархических государствах, которыми было признано необходимым действовать сообща против

надвигающейся опасности со стороны анархических международных обществ».

Вильгельм старался указать, что заем не удастся России не вследствие Алжезираса, но по причине вражды еврейских банкиров. Тогда Витте по телеграфу чрез Рафаловича (финансового агента в Париже) попросил Рувье специально ответить, что заем затруднен не евреями, а именно поведением Германии в марокккском деле. Рувье сейчас же прислал требуемую телеграмму. Все это было снова пущено в ход против Вильгельма, но дела в Алжезирасе все не сдвигались с мертвой точки. Тогда Витте решил воспользоваться данным ему в Роминтене любезным разрешением со стороны Вильгельма — писать непосредственно германскому императору чрез посредство Эйленбурга. Он и написал Вильгельму, прося ускорить и уладить дело в Алжезирасе и опять ссылаясь на план союза между Россией, Германией и Францией. Но Вильгельм ответил, что он не может без ущерба для престижа Германии отступить от некоторых условий.

В конце февраля 1906 года Рувье ушел, и место его занял Саррьен, в кабинете которого Клемансо стал министром внутренних дел, а Пуанкарэ — министром финансов. При таких двух сотрудниках сам глава кабинета, конечно, отошел на второй план, — и Витте обратился немедленно к Пуанкарэ: ему все хотелось получить заем до конца Алжезирасской конференции. Но и Пуанкарэ не согласился. Витте все время был твердо уверен, что Вильгельм ни за что не решится воевать из-за Марокко, и, значит, нужно лишь запастись терпением. И действительно, в середине марта произошел, наконец, сдвиг: Германия согласилась на те пункты, отступить от которых не пожелали фран-

цузы. Тогда, даже не дожидаясь формального окончания конференции, министр финансов Пуанкарэ дал понять Нетцлину, что путь свободен.

Но, «чтобы отомстить за Алжезирас» (как выражается Витте), германское правительство не разрешило участия германского капитала в этом, организованном французским синдикатом, но международном по составу, займе. Отказ Германии (а также Моргана) несколько уменьшил предполагавшуюся сумму займа, но даже и в уменьшенном виде этой суммы (843¾ миллионов рублей золотом) хватило русскому правительству на весь труднейший для него период 1906—1910 гг. Витте с гордостью об этой стороне дела пишет, спортивное чувство специалиста, осилившего все трудности, снова берет верх, и он с удовольствием приводит слова из благодарственного письма к нему императора Николая II: «Благополучное заключение займа составляет лучшую страницу вашей деятельности».

И одновременно Витте не перестает говорить о русской политике 1906—1910 гг. как о прямой дороге к гибели и разрушению России, совсем забывая, что по его же словам эта политика стала возможною только вследствие блестящей удачи огромного займа 1906 года... 26 марта Витте снова отправил в Париж Коковцова для оформления сделки, а 3 апреля «контракт на заем» был подписан.

История этого колоссального займа имела серьезные последствия и в области международной политики. Поведение германского правительства до Алжезираса, во время Алжезираса и после него, сознательная борьба против русского займа— все это окончательно отодвигало идею Витте о континентальном союзе в область несбыточных по-

литических мечтаний, и Россия входила все больше и больше в фарватер английской политики. Витте, как сказано, не очень спокойным оком взирал и на это сближение с Англией и боялся, что Англия вовлечет тоже Россию в международные осложнения. Но ему уже не дано было активно влиять в том или ином смысле на русскую дипломатию: тотчас после приведения дела о займе к благополучному концу, пред самым созывом первой Думы граф Витте вышел в отставку, — на этот раз навсегда удалившись от власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

«По моему глубочайшему убеждению, если бы не был заключен Портсмутский мир, то последовали бы такие внешние и внутренние катастрофы, при которых не удержался бы на престоле дом Романовых». Эта мысль Витте является характерною для всего его внешнеполитического воззрения. Все, что угодно, — но только не воюйте, потому что вы не можете воевать, и именно от войны погибнете; вы можете погибнуть и без войны, но при войне вы не можете не погибнуть. Вот как резюмируется вся его борьба против самоубийственной внешней политики абсолютистского строя.

Человек, стоявший на грани двух эпох и двух социальных слоев, деятель, старавшийся изо всех сил о привлечении иностранных капиталов и тоже изо всех сил боровшийся потом против международно-политических последствий этого привлечения, человек, способствовавший насаждению и укреплению крупной буржуазии — и приверженец выросшего на совсем иной социальной почве самодержавия, автор манифеста 17 октября, сделавший

все, что было в его силах, чтобы иметь возможность свести этот манифест к нулю и чтобы дать эту возможность также и своим преемникам по власти (которых он презирал и ненавидел), строитель Восточно-Китайской дороги и ярый враг ближайших последствий этого выступления, министр, превосходящий разнообразием своих дарований, громадностью кругозора, умением справляться с труднейшими задачами, блеском и силою своего ума всех современных ему людей власти, кроме Бисмарка и Гладстона, — Витте всегда будет привлекать к себе внимание историков и всегда их будет занимать раздвоенность поведения и мышления этой цельной, по существу, натуры, это конечное бессилие в достижении главного при могучей силе в достижении и осуществлении отдельных труднейших заданий. Он хотел спасти, а ему только удалось несколько отсрочить гибель; он хотел гармонии, тишины и добровольного повиновения — в такую эпоху и в такой стране, где и когда социальная борьба не могла не возгореться особенно ярким пламенем, и притом сам же он в области финансов и экономической политики за свою долгую деятельность сделал все зависящее, чтобы подбрасывать новые и новые горючие вещества, которые должны были превратить это пламя в пожар. Истинным революционером против самодержавного строя был тот, кто создал завод; а тот, кто вывел из него рабочих на баррикады, был лишь продолжателем и логическим завершителем. Витте связал свое имя не с отдельным заводом, а с громадным по своему абсолютному и относительному значению процессом индустриализации. Кто при этих условиях был виноват в этой раздвоенности замыслов и результатов? Витте по природе был такой

сильной и цельной индивидуальностью, что он с гневом замечал эту раздвоенность, но приписывал вину кому угодно, только не себе. Он был только наполовину прав: вина была не его, но вместе с тем и ничья, и даже нелепо о «вине» говорить. Мы тут не имели задачею дать полную его характеристику и поэтому не останавливались на этих общих условиях, идеях и плодах всей грандиозной деятельности Витте. И та, сравнительно ограниченная часть этой деятельности, которая была нами тут рассмотрена, носит следы тех же противоречий, отмеченных в своем месте, когда речь шла о Восточно-Китайской дороге. Но, вообще, в этой области противоречий у него гораздо меньше, и цельность воззрений влечет тут за собою и гораздо большую цельность поступков.

Здесь, в области международной политики, он со страхом чуял не только грозную, но и всегда близкую пучину, которая скорее всего проглотит безумцев, не желающих ее видеть и от нее вовремя отпрянуть. Он ошибался, может-быть, лишь в том, что не желал признавать особых свойств именно этой пучины: она не есть нечто неподвижное, и отпрянуть от нее не всегда еще значит от нее спастись; она сама иногда гонится за убегающим от нее. Во всяком случае, в те годы, когда он жил и действовал, от этой пучины еще можно было попытаться спастись, и, даже упавши в нее, еще можно было стараться из нее выйти.

Ему пришлось дожить и до других времен, до начала мирового побоища, но не суждено было видеть гибели всего, чему он служил, и всех, кого он и презирал и пытался спасти против их воли. Но с одра болезни, пред открытой могилой он не мог уже быть даже внимательным наблюдателем.

Тот исторический период, с которым навсегда осталось связанным его имя, кончился и в Европе и в России тогда же, когда оборвалось физическое существование этого человека. Его нетерпеливой и своенравной душе не пришлось вынести сознания, что он себя пережил. Судьба, так много ему давшая, не поскупилась на милость и на этот раз.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

Стр.

Книги того же автора.

Napoléon I et les intérets économiques de la France Paris, 1926.

Крестьяне и рабочие во Франции в эпоху великой революции. Издание четвертое. 1923.

Печать во Франции при Наполеоне I. Петроград, 1922.

Запад и Россия. Статьи и документы. Птр. 1918.

Экономическая жизнь королевства Италии в царствование Наполеона I. С приложением неизданных документов. Юрьев, 1916. Стр. 532.

Континентальная блокада. С приложением неизданных документов. Москва, 1913. Стр. 739.

Deutsch-französische Wirtschaftsbeziehungen zur napoleonischen Zeit. Leipzig, 1913.

Рабочий класс во Франции в эпоху революции. С приложением неизданных документов. Два тома. Том первый 1789—1791. Птр., 1909. Стр. 315. Том второй 1792—1799. Птр., 1911 Стр. 580.

L'industrie dans les campagnes en France à la fin de l'ancien régime. Paris, 1910.

La classe ouvrière et la propagande contre-révolutionnaire en France pendant la Révolution. Paris, 1909.

Studien zur Geschichte der Arbeiterklasse in Frankreich. Leipzig, 1908. (Staats- und Socialwiss. - Forschungen, herausgegeben von G. Schmoller und M. Sehring).

Рабочие национальных мануфактур во Франции в 1789—1799 гг. Птр., 1907.

Падение абсолютизма в Западной Европе. Птр., 1906.

История Италии в средние века. 2-е издание. Птр.

История Италии в новое время. 2-е издание. Птр.

Очерки и характеристики из истории европейского общественного движения в XIX веке. Птр., 1904. Стр. 367.

Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени. Птр.,

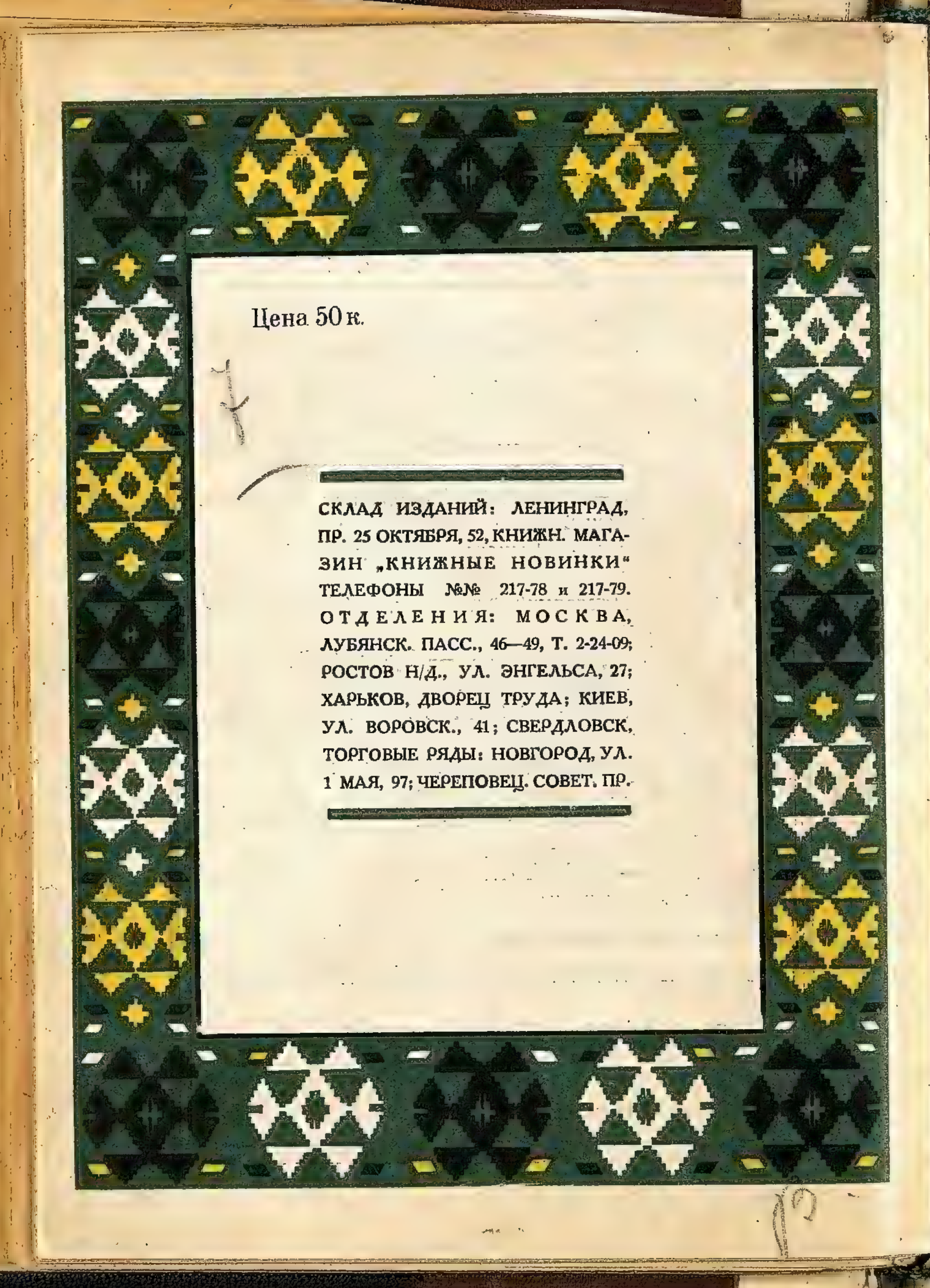

Печатается:

Le blocus continental en Italie. (Vol. I). Paris.

Европа в эпоху империализма 1871—1919. (Универс. курс).

Рабочий класс во Франции в эпоху реставрации Бурбонов.—С приложением неизданных документов. Москва,

Цена 50 к.

СКЛАД ИЗДАНИЙ: ЛЕНИНГРАД, ПР. 25 ОКТЯБРЯ, 52, КНИЖН. МАГАЗИН „КНИЖНЫЕ НОВИНКИ“ ТЕЛЕФОНЫ №№ 217-78 и 217-79. ОТДЕЛЕНИЯ: МОСКВА, ЛУБЯНСК. ПАСС., 46—49, Т. 2-24-09; РОСТОВ Н/Д., УЛ. ЭНГЕЛЬСА, 27; ХАРЬКОВ, ДВОРЕЦ ТРУДА; КИЕВ, УЛ. ВОРОВСК., 41; СВЕРДЛОВСК, ТОРГОВЫЕ РЯДЫ; НОВГОРОД, УЛ. 1 МАЯ, 97; ЧЕРЕПОВЕЦ, СОВЕТ. ПР.

ТАРЛЕ Е.В.